

Re 7861

Виб-ка „Вольного Казачества—Вільного Козацтва“

Цена 3 к. ч. Заграницу — 3 франка.

Склад издания: Прага XII, Храдска 2207.

Re 7861
Шамба Балинов

Чем стало Казачество

Отдельный оттиск статей на номерах: 94, 96—99
журнала „Вольное Казачество—Вільне Козацтво“.

Изд. ред. журн.
„Вольное Казачество—Вільне Козацтво“.
Прага, 1932.

Шамба Балинов

Чем стало Казачество

Изд. ред. журн.
„Вольное Казачество—Вільне Козацтво“.
Прага, 1932.

R 9: 202
72

Отдельный оттиск статей из номеров 94, 96,
97, 98 и 99 журнала „Вольное Казачество—
Вільне Козацтво“.

251003

1. одинаковое понимание казачьей природы, — того, что Казачество имеет свое особое племенное происхождение, свою особую, отличную от русской, историю, особый народный быт, обычаи, свои особые физические и духовные качества;

2. определенное сознание и, несмотря на страшное и кровавое подавление, на „взрывание ноздрей“, на втыкание на кол засушенных голов казачьих атаманов, на жестокие гонения и насилия, никогда не умиравшее политическое стремление к своей прежней народной жизни, „как встарь“, к своей государственной независимости.

Такой вывод напрашивается сам собой при хотя бы поверхностном знакомстве с исследованиями казачьих историков, свободных от официальной русской исторической теории. Об этом же свидетельствует вся московская дипломатия XVII и XVIII в.в., члены свиты наследника русского императора, русские придворные генералы, отдельные русские и иностранные ученые, революционные деятели, казачьи станичные общества, казачьи политические организации, простые казаки, видные казачьи деятели, да и вся политика Москвы в отношении Казачества, которая (Москва), несмотря на свою полную победу над казаками, под каждым кустом в „Диком Поле“ видела скрывшегося там „сепаратиста“, в каждом казаке видела „вольного казака“, которой (Москве) всюду мерещились заговоры среди казаков, „мечтательные мысли на счет самостоятельности их отчизны“ (Слова ген. Чернышева).

Да, для казаков, не поддавшихся окончательно двухсотлетнему московскому насильственному и искусственному внушению, от своих казачьих корней духовно не оторванных, психологически еще не расказачившихся — этих исторических доказательств и не нужно, ибо каждый казак в своем казачьем сердце, в своей казачьей душе неизменно носит, как святая святых, свое особое казачье „Я“, свой особый казачий общественно-политический идеал. Этого особого казачьего сознания

никакими ухищрениями нельзя убить, можно уничтожить его только физически, убив самого казака, что и делают теперь большевики, понявшие эту очевидную истину, ибо слишком свежо и ярко, кровью записано в казачьем сердце то казачье прошлое, когда „Войско Донское представляло из себя в XVI—XVII в.в. военно-демократическую республику. Эта республика была особым, отдельным от московского царства, государством, имела свою территорию, свой народ и свою власть. Территория Войска Донского определилась уже в самом начале его существования. Это был бассейн реки Дона, кроме его верховьев и бассейны рек — Бузулука, Хойра, Медведицы и Донца“ (проф. Сватиков).

Эта Донская республика „обладала своей территорией, отделенной долгое время от метрополии незаселенными, пустыми местами, и своим населением. Спрашивается, была ли в колонии своя собственная государственная власть, был ли Дон государством или провинцией царства. На этот вопрос нужно ответить: безусловно на Дону существовала своя собственная государственная власть и с 1549 по 1721 год Дон был государством, а не провинцией. Государственная власть на Дону имела источником своим народную волю, и Донская колония представляла из себя республику“.

Так точно, ясно и категорически отвечает на вопрос — чем было Казачество в государственно-политическом смысле? — проф. Сватиков в своем капитальном труде „Россия и Дон“. Проф. Сватиков так отвечает на вопрос, на основании изучения исторических документов, а сами казаки также на него отвечают на основании веления сердца, повинуюсь велению крови.

О том, что Дон был независимым государством свидетельствует и тот существовавший на Дону неписанный закон о принятии казачьего подданства, в силу которого (закона), „чтобы стать полноправным гражданином Донской республики, нужно было быть принятым в казаки. Для этого требовалось заявление в Войсковом Кругу и согласие Круга. Далекое не все получали это

согласие. Нужно было пожить на Дону, иногда лет 5—7, войти в местную жизнь, зарекомендовать себя, и тогда уже давалось разрешение на прием в казаки" (Сватиков).

Как видите, требования очень близкие к требованиям, скажем, современной Франции относительно принятия французского подданства. Мало того, "в XVIII веке казак, пробывший много лет вне Войска, должен был просить станицу о дозволении ему жить в станице, "если от Войска будет милость на вступление его по прежнему в звание казака". Уехавший в Москву казак, поселившийся там, становился уже "бывшим донским казаком". Нужно иметь в виду, что это было не только пустой формальностью, за строгим соблюдением этого своего неписанного закона казаки следили внимательно, они ревниво охраняли свое имя. Например, "казачье Посольство в Москве, зимою 1640 г. спрашивало правительство: "для чего" некий Ив. Поленов "живет на Москве и донским казаком называется".

В настоящее время русские люди и некоторые "сановные" казаки с понятным для нас скептицизмом относятся к исследованиям того периода казачьей истории, относительно которого русская официальная история предпочитает ничего не говорить (или сознательно извращает!), т. е. к вопросу о племенном происхождении казаков, об их этнической сущности, о периоде их полной государственной независимости. А раз "сама" русская история ничего не говорит, то, понятно, для русских людей, уподобляясь религиозным сектантам — "дырочникам", видящих свет только через свое историческое "окошечко", все остальное — от лукавого.

Для нас сейчас не суть важно установление далеких истоков происхождения Казачества. Это — область чистой науки, заняться которой должны будут будущие молодые казачьи ученые. Нас сейчас не интересуют изыскания в области национального вопроса. Перед нами стоит одна определенная и современная задача: освободить страдающих под властью красной Москвы

наших братьев, родное нам Казачество, возродить, воссоздать и усовершенствовать бывшее свободное и независимое казачье государство. А для достижения этой нашей цели, в борьбе за нее нам нужно не только наше внутреннее убеждение, готовность наша бороться, но также и понимание нас и сочувствие культурного мира, укрепление нашей политической позиции во внешнем мире. Для этого нужны так называемые исторические прецеденты, т. е. для обоснования наших политических позиций перед внешним миром, нам важно и нужно доказать, что Казачество в недалеком историческом прошлом жило самостоятельной государственной жизнью, внешней физической силой подавленной, что от этой своей государственной независимости казаки никогда не отказывались, за которую жертвенно всегда боролись, к которой и ныне стремятся.

С этой точки зрения книга проф. С. Г. Сватикова является замечательным и неисчерпаемым источником, убедительно доказывающим факт многовековой независимой государственной жизни Казачества, распространению и популяризации каковой книги должен способствовать каждый казак.

Делая настоящее сообщение, я преследую цели: установить факт очень продолжительного существования независимого казачьего государства, что за нас с таким знанием дела сделал проф. Сватиков, а затем — проследить течение борьбы Казачества за свою независимость с Москвой, методы и способы борьбы последней с Казачеством и выяснить хоть некоторые причины столкновения Казачества с Москвою.

Итак, по утверждению проф. Сватикова, Донское Казачество с первой половины XVI ст. жило независимой государственной жизнью, форма которой подходила под современный республиканский строй. Само собой разумеется, что в XVI ст. культурный уровень народов, соответственно своему веку, был несравненно ниже современного. Следовательно, и технические построения казачьего независимого государства были при-

митивнее по сравнению с современной структурой государств. Если бы мы теперь стали прилагать мерки современных государств к независимому казачьему государству XVI века, то, естественно, многих существенных элементов современных государств там не нашли бы. Поэтому и рекомендуется, чтобы события и жизнь рассматривали в общей рамке эпохи, когда они происходили, а не переносить в нашу эпоху.

Вот почему для нас сейчас не важна степень совершенства государственной техники Дона XVI века, а важен самый дух, основные принципы и построения и управления общественно-государственной жизнью Донского Казачества, проникнутого от начала до конца идеей выборности, чистого народоправства, а с другой стороны, по словам проф. Сватикова, то, что „казаки всегда, в течение всей своей истории, противопоставляли себя, донцов — русским, а Дон — Руси“, или, по утверждению Броневского (1830 г.), „отчуждение донских казаков от русских и теперь заметно“.

Нужно обратить внимание, что это „отчуждение казаков от русских“ Броневский увидел в первой половине XIX ст., т. е. через более чем сто лет после кровавого подавления казачьей независимости, в течение которого времени Москва и дубьем и рублем внушала казакам, что они русские люди.

Какой необычайной силой и жизненностью должно было обладать это особое казачье сознание, чтобы почти через полтора столетия безграничного подавления, казаки так ярко сознавали эту свою особенность. Эта сила казачьего духа нам еще рельефнее может представиться, если мы вспомним печальный пример необыкновенно тяжелой истории другого славянского народа, чешского, который почти в то же самое время попал под власть ему чуждого немецкого народа и примерно почти за такой же срок немецкого подавления чуть было окончательно не забыл свой язык, успел усвоить чуждую ему культуру, язык, а сами чехи начали было стыдиться называть себя чехами.

Понадобилось два-три поколения выдающихся сынов чешского народа, их неустанная жертвенная будительская работа, чтобы оживить свой родной язык, пробудить и воскресить чешское национально-патриотическое сознание!

Двухсотлетнее систематическое внушение, духовный намордник — это страшный груз, освободиться от которого не легко. Это — та страшной силы капля, способная долбить камень, о которой говорит поговорка. Но и эта страшной силы „капля“ не в состоянии была убить казачье сознание, которое и до наших дней сохранилось и хранится в душах и сердцах всех казаков, которые всегда говорили русским: „у нас, на Дону, у вас, на Руси;“ „мы — казаки, вы — русские“.

Такое противоположение повелось еще с тех далеких времен, когда северная граница Донского государства очень долгое время была совершенно отделена от границ московского царства незаселенной степью, когда казаки не имели никакого соприкосновения с русскими, ведя сношения между собою только путем снаряжения посольств (у казаков „Зимовые станицы“).

По этому поводу проф. Сватиков пишет: „таким образом, на 100 лет крайними южными пограничными (украинскими) городами Московской Руси становятся Воронеж и Волуйки. К югу от них, по течению Дона, до нынешней Аксайской станицы („Кобяково городище“) и по левым его притокам, отделенная от Руси еще незанятой частью Дикого Поля, лежит Земля Донских казаков, страна „вольных казачьих городков“, „казачьево присуду“, или — говоря языком современного государственного права — Донская республика“.

Существует русская „теория“, что эта казачья республика была создана в начале XVI ст. бежавшими из пределов Московской Руси крестьянами-крепостниками. Но казачьи историки на основании неопровержимых исторических данных показали несостоятельность этой „теории“ и убедительно доказали, что на этой Ка-

www.elan-kazak.ru
зачьей Земле казаки жили издавна, много раньше, XVI-XVII веков, что зачатки общественно-народной жизни, позже принявшей форму казачьего народоправства, чистого республиканизма, имели место много раньше; наконец, что беглые русские крестьяне по своим физическим и духовным свойствам, просто не были способны создать такую республику.

„На основании какого титула владели казаки своими землями?“ — спрашивает проф. Сватиков и отвечает: „на основании права первого занявшего, на основании права завоевания... никто не даровал, да и не мог даровать Донскому Казачеству его территорию“.

Это, конечно, совершенно верно, ибо казаки занимали свою землю и жили на ней еще с тех далеких времен, когда их земля представляла из себя свободную незаселенную степь, непрерывно, в течение многих веков, служившей ареной кровавых столкновений, войн грозных азиатских народов-завоевателей, а затем — могущественной в те времена турецкой империи, когда для жизни на этой земле нужны были действительно казачий дух, мужество, казачья организованность. Чтобы дорожить такой „опасной“ землей и цепляться за нее, нужна была казачья привязанность к родной почве, казачья любовь к могилам своих предков, нашедших вечное упокоение на родных берегах седого Дона. Нужно еще было дипломатическое искусство для успешного лавирования в сложнейшей и жесточайшей военно-политической обстановке того времени, нужно было умение для приспособления и улаживания жизни с часто менявшимися степными завоевателями. Да улаживать так, чтобы от этого не пострадали казачья гордость, самолюбие, казачья независимость!

Путем дипломатической работы, но чаще своей жизнью и головами, казачьи предки защищали и отстаивали свою древнюю территорию. И совершенно естественно, что эту, казачьей кровью орошенную, казачьими костями усеянную, казачью землю никто казакам даро-

вать не мог. А если кто и „даровал“ казакам их же землю, так это известной породы люди, которые, осуществив на деле „принцип“: „все твое — мое и мое — мое“ — потом так „щедро“ „жаловали“!

Само собою разумеется, в те времена, когда в большинстве случаев над всеми доминировало право силы, а не сила права, точно очерченной пограничной линии казачье государство не имело, но основная территория Донской республики признавалась всеми и называлась она страной „вольных казачьих городков“, землей „казачьево присуду“. Сколько было этих „вольных казачьих городков“ сначала на земле „казачьево присуду“, когда они были основаны, — точно установить трудно, но важно, что к половине XVII ст. их было до сотни. Эти казачьи городки в совокупности и составляли Донскую республику, в которой было полное равенство прав и обязанностей всех граждан. Эта республика, по словам проф. Сватикова, и „не была федерацией станичных общин. Все Войско владело всеми землями, водами, рыбными ловлями, звериными гонами, лесами и прочими угодьями. Станицы казаков, жившие по городкам, были лишь подразделениями единого Войска, единой социальной и политической организации“.

Очень долгое время в Донской республике все граждане были свободны, все были равны, все были воинами, а в мирное время — охотниками, рыболовами, своеобразными торговцами (меновая торговля), скотоводами, а позже и хлебопашцами; все были объединены бесконечной любовью к своему отечеству, седому Дону, „любовью к свободе политической, религиозной и индивидуальной, свободе от тягла и принудительной службы, враждой к привилегированным землевладельческим классам, „лихим боярам“, отвращением к земледельческому труду, который вел тогда к закабалению работника..., казаки создавали трудовое товарищество, социальную общину и государственную организацию на началах равенства, свободы и братства“.

Пока в среде Казачества соблюдалось начало равенства, пока не произошло в его среде социально-имущественного и политического расслоения, пока все казаки были „равны между собою и в политическом и социальном отношении“, пока все они были едины в своем чувстве обособленности от остального русского народа; точнее — пока для всей казачьей народной массы выше и священнее всего был свой „казачий Бог“, дороже всего свое казачье „Я“, независимость и честь, пока все это было — сильно было казачье государство, на его права не каждый смел покушаться, а если были какие покушения, то они не проходили безнаказанно, авторитетом и силою всего единого Казачества пресекались в самом начале.

Но время и московская „казачья“ политика, основанная на принципе „разделяй и властвуй“ сделали свое дело. Нормальный ход общественного и культурного развития Казачества, естественное, долженствовавшее потом наступить в силу закономерного процесса жизни любого народа, его расслоение на отдельные социальные и политические „пласты“, в связи с московской „разделительной политикой, необычайно ускорились в своем темпе. Государственно еще не окрепшее, культурно недостаточно еще развитое, еще не имевшее своих писанных законов, еще не создавшее своего без перебоя действующего налаженного государственного аппарата, бывшее пока что „типичной страной прецедента, обычая“ — Донское Казачество, благодаря Москве, слишком рано разделилось, выражаясь современным модным термином, на два „класса“:

„класс“ войсковой старшины, отрешившийся в значительной степени от своего „казачьего Бога“ и усердно начавший поклоняться Москве и

„класс“ рядового Казачества, всей народной массы, оставшийся верным „заветам старины“, „своему древнему казачьему обыкновению“.

Печальные последствия этого преждевременного, а потому болезненного, принесшего неисчислимые бед-

ствия Казачеству разделения, как мы ниже увидим, не заставили себя долго ждать. Это третирование своего „Казачьего Бога“, к сожалению повторяется и в наши дни. И по истине „история повторяется“!

Я немного забежал вперед и коснулся вопроса о „войсковой старшине“, к каковому вопросу я еще вернусь ниже. Сейчас я веду свой рассказ к установлению непререкаемого исторического факта — продолжительного существования независимого казачьего государства в XVI-XVII в. в. — Донской республики. Этот факт с убедительной доказательностью установлен проф. Сватиковым в его капитальном труде по исследованию истории Донского Казачества. Пусть он не разделяет наших политических взглядов, пусть он является нашим политическим противником, но интересно и важно, что его научная беспристрастность принудила его так ясно и категорически сказать что действительно имело место в истории.

„Итак, — говорит проф. Сватиков, — Донская республика обладала своей собственной законодательной, исполнительной и судебной властью. Верховная власть внутри Войска Донского принадлежала Войсковому Кругу и его выборным органам. Она была непререкаема и суверенна. Таким образом государственная власть Войска Донского была таковою для Донского казачества, которое повиновалось ей не только за страх, но и за совесть. Все вступившие на территорию Войска признавали эту власть беспрекословно“.

Независимость этого казачьего государства и свое бессилие перед ним признали и все русские цари вплоть до Петра I. Так, например, в 1574 г. царь Иоани писал хану Крымскому: „казаки Донские не по нашему велению на Дону живут“. Тоже повторяли и следующие цари.

— В 1647 г. царь Алексей Михайлович писал, что казаки „живут в тех местах (на Дону) исстари кочевым образом... а нашего царского повеления не слушают“...

Приведя выдержки из царских писаний, проф. Сватиков от себя добавляет и утверждает: „я считаю, что Московские бояре, писавшие отписки в Крым и Константинополь, ничуть не кривили душой, говоря о казаках... что Дон не слушается повелений царских. Войско Донское, действительно, не слушалось царя, и по очень простой причине: оно считало себя и было на самом деле отдельным государством. Оно плохо слушалось внушений Москвы и оказывало услуги Москве по своему изволению, а не по царскому приказу“.

Эти царские отписки — лишнее доказательство о казачьей государственной независимости. Но было бы ошибочным предположить, что это независимое казачье государство образовали вдруг, в течение короткого времени, „воры“, „холопы боярские“, бежавшие из пределов Московского царства, как любят утверждать русские историки, хотя их утверждения опровергаются авторитетнейшим лицом — самим русским царем Алексеем Михайловичем, который пишет, что казаки „живут в тех местах и с старинным кочевым образом“.

Я в своем сообщении „Чем было Казачество“ высказал предположение относительно этих „беглых русских людей“, якобы, заложивших начало Вольному Казачеству в первой половине XVI ст., допустить что и согласиться с чем просто невозможно по многим причинам.

Можно было бы привести свидетельства русских же людей о том, что у русского крестьянина только к концу XIX ст. едва только начинало расти сознание человеческого достоинства, чувство личности. А что же говорить об их предках, живших четыреста лет раньше! Следовательно, „теорию“ о создании свободного, независимого казачьего государства в начале XVI ст. „беглыми холопами боярскими“, мы можем считать не выдерживающей никакой абсолютно критики. Прав русский ученый Ознобишин, когда он эту русскую „теорию“ называет „басней“, „одной фантазией“. Не менее прав

и другой ученый, Николай Полевой, утверждающий, что „малороссыяне, белорусы, казаки и прочие — не русские“, что они „какая то особая народность и местность“...

Теперь уже можно с совершенной достоверностью говорить, что казаки на своей земле своей особой государственной жизнью жили еще до и во все время владычества монголо-татаров, сохраняя некоторую свою независимость, входя с ними в союзные отношения. Но в конце XIV и в начале XV ст. территория Донского казачества последовательно подвергалась нашествию новых завоевателей Тахтамыша и Тамерлана. Под натиском этих завоевателей, часть казаков переселилась на север в пределы лесной полосы, в непосредственное соседство с Московским и Рязанским княжествами, на окраины и пределы их, но часть все же осталась на своих старых местах, забравшись в глухие, малолюдные места.

Вот эти ушедшие в пределы Московского царства казаки при первой возможности возвращались к своим родным берегам, на Дон, к своим оставшимся на Дону „родимцам“, как и мы сейчас тоскуем по Родине и при первой возможности полетели бы туда.

Вот как раз этих то донских казаков, первых казачьих эмигрантов, возвращающихся на Родину, русские историки и принимали за „беглых холопов боярских“. Конечно, нет никакого сомнения, что к этим возвращавшимся из пределов Московского царства на Дон казакам присоединялся некоторый, может быть и довольно значительный, процент русских людей, узнавших о привольной казачьей жизни на Дону из рассказов казаков эмигрантов, приходили с ними на Дон и делались потом казаками, постепенно усваивая гражданские и боевые качества казака, подражая ему, копируя его.

Взаимоотношения между независимым Доном и Московским царством долгое время были взаимно-союзными: со стороны казаков вынужденными по эконо-

мическим причинам (военные припасы, хлеб, сукна), а со стороны Москвы вынужденными потому, что она не имела силы подчинить себе свободолюбивых казаков, т. е. просто политической тактикой „впредь до“. Связь между ними поддерживалась путем обмена посольствами.

Конечно, попытки подчинить казаков со стороны Москвы делались и тогда, и неоднократно, но все они решительно пресекались Казачеством в самом начале. Так, например, в 1593 году Борис Годунов сделал попытку, прислав на Дон посла своего, Нащокина, с грамотой царя Феодора с требованием к казакам жить в миру с азовцами, отпустить без „откупа“ турецких „полоненников“, чтобы сами казаки были „с сыном боярским Хрущовым на Дону в Раздорех, где пригоже“, и царским делом „промышляли с Петром Хрущовым“.

Этот Московский посол, руководясь неизменным принципом — разделяй и властвуй, — еще по пути уговорил некоторых верховых казаков и одного из их атаманов, Вишату Васильева, привез в „Главное Войско“ для уговора, чтобы оно подчинилось царскому велению. Но казаки „Главного Войска“ этого злосчастного атамана Вишату Васильева просто „посадили на воду“ за то, что он „всему Войску изменник“, что он „государю доброхотает“...

На это отозвался Годунов присылкой нового своего посла, кн. Волконского, с грозной грамотой, в которой именем царя обещал „послать на Низ Доном к Раздорам большую свою рать и поставить велим город на Раздорах, а вас сгоним с Дону, и вам от нас и от турецкого Салтана где избити“... т. е. грозил пойти войной на Дон, оккупировать его и поставить царскую крепость в центре Донской республики, а для вящего наказания казаков обещался еще вступить в союз с вековым врагом Москвы, с турецким султаном (Св.). В осуществление этой своей угрозы, Борис Годунов, вступив на престол, для „обуздания казаков“, построил город Царев-Борисов. Когда Крымский хан, встревоженный постройкой новой крепости, запросил — почему

это делается, то Борис Годунов прямо ответил: „эта мера направлена не против татар, а против казаков“.

Но казаки не побоялись ни этой угрозы, ни постройки новой крепости против них, и остались на своих местах. Единственным последствием этих „грозных“ мероприятий Годунова было то, что „Войско хорошо запомнило угрозу Бориса „поставить город в Раздорех“ и в течение всего своего существования все усилия прилагало к тому, чтобы на войсковой территории не было ни крепости царской, ни войска царского, ни воевод“, что ему легко удавалось, пока Донское Казачество было едино, пока не было в нем социально-политического расслоения, пока русская „разделительная“ политика натывалась на единую волю всего Казачества.

Государственная независимость Казачества и формально признавалась Москвою. Тот же Борис Годунов, поручая своему послу сговариваться с Азовским пашой, чтобы азовцы жили с казаками в миру, оговаривался, чтобы и казаки сами „в Азов от себя ссылались“, т. е. этим признавалось Донское государство и его право на самостоятельные дипломатические сношения с иностранным миром.

Донское государство безусловно признавалось Москвой и фактом оказывания ею казачьим посольствам („Зимовые Станицы“) чести наравне с другими иностранными посольствами и тем, что в „сентябре 1614 г. сношения с Донскими казаками были переданы из Разряда в Посольский приказ“ (учрежденный в 1601 г.). „Таким образом, — продолжает проф. Сватиков, — Россия признавала Дон государством, а не общиной казачьей, и установила сношения с колонией через ведомство иностранных дел“... „Передача сношений с Донцами в Посольский Приказ в том же 1614 году, говорит тот же Сватиков в другом месте, — обозначала признание их (донцов) особым народом, а колонию — особым государством. Со своими подданными через Министерство Иностранных Дел, и только через него, не сносятся“.

Таким образом с неопровержимой ясностью устанавливается, что Дон представлял из себя самостоятельное, ни от кого независимое государство, имеющее свою определенную территорию, свой народ, свою законодательную, судебную и исполнительную власть, обладающее никем неограниченным правом совершенно самостоятельного международного дипломатического сношения, объявления другим народам войны, ведения ее, заключения мира, правом принимать у себя иностранных послов, с редким по тому времени правом оказывать политическое и религиозное убежище всем гонимым, по своей доброй воле, „по своему изволению“ лишь державшее союзное отношение с Московским царством.

Послы этого казачьего государства в Москве „пользовались безусловной неприкосновенностью, равно как и их свита и багаж“, а по словам русского ученого Котошихина, „как они (казаки) к Москве приедут, и им честь бывает такова, как чужеземским нарочитым людям“...

Мало того, что „в области суда и управления, как и в области законодательства, Дон был самостоятелен“, но даже и в пределах Московского царства „по отношению к казакам было установлено твердое правило неподсудности их московскому суду... казаки на Москве пользуются полной неприкосновенностью“. По словам того же Котошихина, Донские казаки „будучи на Москве или в полках, кто что сворует царского наказания и казней не бывает, а чинят оно меж собой сами же“...

„С Дона выдачи нет!“ — тоже выражение державного права Дона. Это право настолько было общепризнанным и настолько ревниво оберегалось, что под сенью его спасались многие московские люди (политические, а главным образом религиозные русские эмигранты того времени), которые через некоторое время смело могли приезжать обратно в Москву не боясь того, что их там схватят, „потому что, — пишет

Сватиков, — Доном они от всех бед освобождаются... Воздух Дона делал людей свободными, это было незыблемым правилом XVII века“.

Пока это право незыблемо соблюдалось всем Доном, пока все казаки были едины в понимании и защите своих высших прав, пока не появились на Дону охотники — казаков „к Москве возить, будто азовских ясырей“, пока не было на Дону „даровых полицеймейстеров“ из казаков, нарушивших это высшее казачье право, — силен и могуч был Дон.

Но затем появились на Дону люди из среды войсковой старшины, которые стали „доброхотствовать“ Москве и способствовать нарушению этого высшего и священнейшего права Дона (не выдавать политических и религиозных беглецов), а потом, уже по привычке, ставшие выдавать и своих казаков. Началось это несчастье в 1761 году, когда состоялась выдача атамана Степана Разина на расправу Москве, после чего началось осуществляться предсказание Запорожского Атамана Серко: „как только одного выдадим, тогда всех нас Москва по одному разволочет“.

В те времена Дон являлся независимым и в области церковного управления, самостоятельно решая все вопросы, касавшиеся церкви, монастырей и духовенства, сам выбирая церковно и священно служащих, когда власть и забота патриарха Московского и всея Руси в отношении Дона выражались только в присылке предметов церковного обихода и в посвящении в священники тех кандидатов, которые присылались с Дону.

В этом отношении дело порою доходило далеко. Например, в конце XVII ст. раскольниковые вожди на Дону стали проповедовать, что „отпадшие веры (суть) Рим, Польша, Киев с товарищи, Греки, Москва; только де осталась благочестия малая ветвь на Дону; и от той ветви расцветет многое благочестие“. Тогда же „умышляли“ „учинить на Дону особого патриарха или епископа“. И проф. Сватиков от себя добавляет, что

„подобное стремление было логическим выводом из положения церкви на Дону“.

Таким образом, Дон в те времена имел все признаки и элементы самостоятельного государства во всех областях своей государственной жизни: общественно-политической, законодательной, судебной и церковной, проводя всюду определенный принцип — начало выборности, народоправства.

За всем тем, со стороны Москвы делались постоянные попытки уничтожить эту казачью государственную независимость, об одной из которых, может быть первой сознательной — попытке Бориса Годунова — я уже говорил выше. Делались и другие попытки в этом направлении и, если, тем не менее, до Петровского разгрома, до начала XVIII в., Дон сохранил свою государственную независимость, то это не потому, что Москва этого хотела, а только потому, что, по словам проф. Сватикова, „просто царство (Московское) было слишком слабо, чтобы наложить свою руку“...

Давление, натиск на Казачество делались по всем направлениям. Для этой цели использовалась и религия. Например, патриарх Филарет угрожал казакам „от патриарха... быти в полном запрещении“, если казаки не покорятся Москве.

Всячески угрожал и царь Михаил, который в 1630 г. послал на Дон своего посла, Ив. Карамышева, с грозным царским указом о приведении казаков в послушание, на что казаки ответили тем, что просто „обезглавили“ этого царского посла. Это обстоятельство заставило Москву прервать всякие сношения с Доном, а бывшие в то время в Москве казачьи послы, атаман Наум Васильев и 70 чел. казаков были „все по городам рассожены и показнены, а иные перекованы, пометаны в заключение, помирали голодной смертью“.

Москва, бессильная нанести прямой удар, прекратив всякие сношения, хотела взять Дон измором, но казаки не испугались. В результате взаимных угроз, че-

рез два года, в 1632 году, сношения между Москвой и Донской республикой были снова восстановлены.

И при царе Алексее Михайловиче Москва неоднократно пыталась умалить, ограничить самостоятельность Дона (присылка на Дон послов Ждана Кондырева (1646) и Андрея Лазарена), каковая „работа“ для Москвы к этому времени в значительной степени была облегчена полным изнурением Казачества в связи со взятием Азова, „когда подорвавши силы на геройском подвиге взятия Азова (1637) и пятилетнего им владения, Донские казаки должны были почувствовать, что с их державным народным собранием (Кругом) начинают поговаривать на Московском языке“. В этом отношении одним из сильных оружий в руках Москвы для воздействия на казаков являлась угроза экономической блокадой Дона, каковым оружием Москва пользовалась не раз.

„Закрывало свои границы для проезда на Дон и из Дона Московское государство и при Борисе Годунове, и при Михаиле Федоровиче (1626-1627, 1630-1632) и при Алексее Михайловиче (в эпоху Разинского восстания). Закрытием границ правительство угрожало неоднократно. Понятие экономической блокады было и тогда известно, и угроза блокады оказывала свое воздействие на руководящие круги Донской республики“. (Св.)

Эта угроза экономической блокадой, — историческое оружие Москвы против казаков, — является одним из главных „аргументов“ и у современных противников вольноказачьего освободительного движения. Но они забывают, что если тогда казаки были экономически беззащитны, в силу того, что богатства, таящиеся в недрах их Земли и экономические возможности Края не были использованы, то теперь Казачьи Земли являются одним из богатейших экономических краев.

Тогда, в XVII веке, экономическое преимущество было на стороне Москвы. Но несмотря на это свое преимущество, почти до конца XVII столетия Москва

не имела никаких успехов в своих делах, направленных на ограничение и подавление казачьей государственной независимости. Только в последней четверти XVII ст., когда само Казачество разделилось на два лагеря:

на „домовитое казачество“, дорожившее „царским жалованием“, на „казачью старшину“, прилепившуюся сердцем к Москве во имя „освобождения из под власти толпы“, т. е. своего народа, Круга, во имя почести и благ земных“ с одной стороны, и на „голутвенное казачество“, мечтавшее „о насаждении всюду казачьего устройства“, с другой.

Москве удалось достигнуть крупных успехов в деле подавления казаков.

Нужно обратить особое внимание, что „успех“ Москвы стал возможен только тогда, когда сами казаки „увлеклись“ чужими интересами (как и в 1918-20 годах!), вне пределов Казачьей Земли лежащими: одни, „домовитое казачество“ — „царским жалованием“, а другие, „голутвенное казачество“ — обширной задачей — облагодетельствовать род человеческий „социальной революцией“!

В результате, Москва, при активной поддержке „домовитого казачества“, из за „почестей и благ земных“ по первому требованию Москвы — „чинить промысел над вором Стенькою и братом его Фролкою и над иными зачинателями воровству, и поймав тех воров Стеньку и Фролку, привезти к Москве“ — выдавшего ей на расправу славного Донского Атамана Степана Тимофеевича Разина, — добила своего крупного „успеха“ в деле умаления казачьих прав. Казачество, сильно ослабленное разделом на два лагеря взаимной распрей, поражением движения Разина, продолжавшегося несколько лет (1667-1671), под прямым давлением полковника Косогова, прибывшего на Дон с отрядом в 1000 чел., после нескольких дней горячих споров, 29 августа 1671 года вынуждено было присягнуть на верность Москве.

Это вынужденное формальное подчинение, хотя и не коснулось внутренних распорядков Донской республики, но все же лишило Дон его суверенитета.

И конечно, Москва была очень благодарна „разумным старшинам“ за помощь, оказанную ей при подавлении движения Разина. И понятно, что с этого времени необыкновенно усилилось влияние на Круге „знатной и разумной старшины и прочих добрых сердец казаков“, т. е. сторонников Москвы. Таким путем, ценою предания лучших казаков, славного казачьего атамана, некоторые казаки удостоились лестной характеристики Москвы — „добрых сердец казаков“! С этого времени и до наших дней продолжается трогательное единение Москвы и Петербурга и казачьей „войсковой старшины“ (не всей конечно. Ред.), взаимная их помощь друг другу: Москва помогает „войсковой старшине“ освободиться от власти казаков, всячески выдвигая ее, щедро награждая внешними знаками отличия, высокими титулами, всячески рекламируя, искусственно создает авторитет и „положение“ „добрых сердец казакам“; в свою очередь „войсковая старшина“ за совесть помогает Москве „обуздывать строптивых казаков“, запрягать их в русское ярмо, с завидной энергией способствует делу угашения казачьего духа, всячески понося всех тех казаков, в ком еще горит казачья искра, в лучшем случае наделяя их эпитетом „бесплодные романтики“, „казаккоманы“, а в худшем — называя их просто преступниками...

Конечно, для этих „добрых сердец казаков“ ничего не могло говорить обращение к Дону Украинского гетмана Брюховецкого, который в 1668 году писал Донцам: „московские царьки, бояре безбожные, усоветовали присвоить себе нас в вечную кабалу и неволю, но всемогущая Божия десница, уповаю, освободит нас... Вы, братья моя милая, при славе, победе и вольности пребывать привыкли. Порадейте, господа, о золотой вольности... и не прельщайтесь обманчивым московским жалованием. Остерегаю вас: как только нас усмирят,

станут промышлять об искоренении Дона и Запорожья... Не прельщайтесь их несчастною казною, но будьте в братском единомыслии с господином Стенькою, как мы находимся в союзе с Заднепровскою братнею нашею“...

К сожалению, Донская старшина не только не стала вместе с „господином Стенькой“, но уже успела его передать Москве и именно прельстившись „московским жалованием“, „их несчастною казною“!

События 1671 г. были первым тяжелым ударом Москвы по казачьей государственной независимости, за каковым ударом, затем, последовал целый ряд самых жестоких ударов и мероприятий, в конечном итоге которых — независимая Донская республика с выборным президентом во главе превратилась в российскую провинцию с назначенным Москвою, а затем Петербургом, генерал-губернатором во главе, в виде наказных атаманов, а сами свободные некогда граждане республики, вольные степные рыцари превратились в „царских опричников“, как аттестовала их позже русская либеральная интеллигенция.

С этого времени (1671) началась борьба двух политических „лагерей“ в среде самого Казачества: лагеря по преимуществу „войсковой старшины“, т. н. „московской партии“, во всем следовавшей указаниям Москвы, и лагеря защитников донского народоправства, казачьей независимости. В одно время видным лидером первого, старшинского, лагеря был атаман Фрол Минаев, а последнего — б. атаман Самойло Лаврентьев и Чюрносон.

Вследствие безусловной поддержки „войсковой старшиной“ домогательств Москвы, влияние последней на Донские дела возросло, политический гнет усиливался, что вызывало резкий отпор со стороны защитников земли „казачьево присуду“, казачьей независимости. Отталкивание последних от Москвы было настолько велико, что они готовы были с оружием в руках отстаивать свое право и посылали на Яик и Терек ходяков: „аще-ли будет на нас какой опал с Москвы, вы к

нам тогда придите... станут де за нас и многие орды и калмыки“, ставили „вопрос о союзе вольных колоний Дона, Яика и Терёка“, а также о „необходимости военного союза с калмыками против Москвы“...

Позиция защитников Донской независимости, следовательно, право Дона оказывать убежище политическим и религиозным эмигрантам, очень соответствовала интересам русских раскольников, от жестокой расправы русского царя бежавших на Дон. И эти раскольники, защищая свою религиозную свободу, также явились и защитниками Донской независимости. В этот период был момент, когда, по словам проф. Сватикова, „побеждало даже течение в пользу отделения от Руси и в политическом, и в военном, и в религиозном отношении“. Это, веди, и совсем не удивительно, ибо борьба „партии независимости“ именно была борьбой „в пользу отделения от Руси“, без чего и независимости нет!

Но, к сожалению, за „войсковой старшиной“ была „мощная поддержка московского правительства“ и она, во главе с Фролом Минаевым в конце концов победила и, победив, выдала на расправу Москве б. войскового атамана Самойла Лаврентьева с товарищами. В результате: „10 мая 1686 года на Красной площади и на Болоте, под топорами палача, упали головы десятка казаков — Чюрносона и других вождей „раскольничьей партии“. В их числе казнен был и б. войсковой атаман Войска Донского, Лаврентьев. Не Дон казнил „отпадчиков“ по своему „войсковому жестокому праву“, а московский палач“ — пишет проф. Сватиков.

Это уже второй крупный „успех“ Москвы в деле расправы с Казачеством казачьими же руками, когда некоторые казаки, забывшие свою казачью честь, нарушив древнее казачье право — „с Дона выдачи нет!“ — выдали своих же братьев на расправу Москве, когда десятки защитников жизненных казачьих интересов, высшего казачьего права свои буйные казачьи головы сложили на Московской плахе!

www.ebay-kazak.ru
После этой второй расправы, вмешательство Москвы во внутреннюю жизнь Дона путем указов и посылок своих комиссаров, усилилось; действия ее агентов, вторгавшихся в Донскую территорию, стали все решительнее, смелее, а готовность выслужиться перед „матушкой-Москвой“ у некоторой „войсковой старшины“ еще больше. При таком положении понятны казачьи разговоры на Дону, имевшие место в 1701 году: „теперь нам на Дону от государя тесно становится“. Также понятны делавшиеся отсюда прогнозы: „Азову за государем не долго быть; Донские казаки, взяв его, передадутся к турецкому султану по прежнему“ (?!) (Св.).

Петр I, желая положить конец казачьим „волнениям“, в 1707 году послал на Дон кн. Юр. Долгорукого с карательным отрядом в 1000 человек, который, придя туда, „бил, гнал и разорял без пощады“, чем взволновал весь Дон, другими словами — стал тушить пожар, заливая его керосином.

Тогда в защиту чести Дона, казачьих прав выступил „станичный атаман Бахмутского городка, из Трехизбянских казаков, Кондратий Афанасьевич Булавин“, поднявший казачье восстание, и „в ночь на 9-е октября 1707 года в Шульгинском городке на Айдаре кн. Юр. Долгорукий и с ним 1000 солдат и офицеров регулярных войск были истреблены“. Затем, вместо убитого повстанцами атамана Лукьяна Максимова, Кондратий Булавин был избран Кругом Войсковым Атаманом, была восстановлена высшая власть Круга, который сменил неугодных и казнил преступных старшин, т. е. была восстановлена нарушенная Москвою форма государственной жизни Казачества.

В период своей борьбы с Москвой, Булавин обратился за помощью к Запорожцам, но последние решили „пойти с ним... только тогда, когда он призовет к себе Белгородскую (Аккерманскую) и Ногайскую орды, горских черкесов и калмыков“, каковая выжида-

тельная позиция Запорожцев почти и предрешила участь Булавинского движения.

К сожалению, возрожденная казачья независимость с атаманом Булавиным просуществовала недолго. Москва с помощью „московских казаков“ добилась своего и на этот раз: Булавин 11 июля, осажденный в своем курене отрядом Ильи Зерщикова, только что Черкасскими казаками избранного в атаманы, „видя свою погибель, застрелил себя из пистолета до смерти“, а „советники его проклятые были выданы на Азов“. Этими „проклятыми советниками“ были: брат и сын Булавина и „пушие его воровские заводчики Сеньки Драного сын, да атаман Ивашка Чайкин, Лунка Хохлач, Мишка Голубятников, Кирюшка Калганов с товарищами, человек пятьдесят“.

Так состоялось третье крупное предательство некоторой „войсковой старшины“, — выдача на расправу Москве своих братьев.

Вслед затем Петр I отправил на Дон с карательной целью кн. Вас. Долгорукого, брата убитого Юрия, повелев ему „ходить по тем городкам, которые приступают к воровству (измене, т. е. восстанию), и оные жечь без остатку, а людей рубить, а заводчиков на колеса и колья, дабы тем удобнее оторвать охоту к приставанью к воровству людей; ибо сия сарынь, кроме жесточи, не может унята быть“...

Такое безмерно жестокое повеление было дано потому, что в Казачестве, действительно, сильна была любовь к своей независимости и опасность укрепления этой независимости тогда была велика, а расправа с Булавиным, действительно, потрясла весь Дон. По словам донесения Меншикова, „по всему признаваем, что уже все они казаки (Донские) за одно“ (с Булавиным), или, согласно донесению кн. Долгорукого, на Дону „все изменили сплошь“, даже „и нынешний атаман“ (Зерщиков). В глазах русского правительства, оказался изменником даже тот, который недавно пре-

дал на расправу Москве булави́нцев, а самого Булави́на заставил застрелиться; оказался предателем Зерщико́в, который, недавно предав своих братьев Москве, 26 мая под Черкасском „со всей старшиной и знаменами“ хлебом-солью встречал Долгорукого „знаками рабского подчинения“. При таком взгляде не удивительно, что Москва под каждым донским кустом видела спрятавшегося там „потрясателя основ Империи“, а в каждом казаке самостийника! Кстати, и предание своего брата, и это „рабское подчинение“ не спасло самого Зерщикова, который, затем, был схвачен и отправлен в Москву, где на Красной площади отрубили ему голову. А 19 апреля 1709 года его голову, вместе с головой атамана Булавина, в Черкасском сам Петр I, прибывший туда, лично приказал издернуть на колья. И мертвые казачьи атаманы не давали ему покоя и он, удовлетворяя свою душевную потребность, надругался над памятью мертвых! Отделив от трупа головы, засушив их, потом на казачьем майдане кощунственно тешился засушенными головами казачьих атаманов...

Петр I мало того, что дал повеление бесчеловечно расправиться с Казачеством, но 19 июля 1708 г. дал точное указание, как это сделать: „когда поедешь назад, то по Дону лежащие городки по сей росписи разори и над людьми чини по указу: надлежит опустошить по Хопру сверху Пристанной по Бузулуку; по Донцу сверху по Луганск; по Медведице — по Усть Медведицкой, что по Дону. По Бузулуку — все. По Айдаре — все. По Калитвам и по другим Задонным рекам — все“...

Конечно, brave солдат кн. В. Долгорукий, сам дававший царю свой совет — „надобно определение с ними (казаками) сделать, чтобы и впредь им нельзя не токмо делать, но и мыслить и вольность у них убить“, — с необыкновенным усердием и точно выполнил повеление своего царственного владыки, (как это желание Долгорукого убить у казаков даже возможность мыслить напоминает кое-кого

из современных „казачьих старшин“, упорно обращающихся к казакам, чтобы они ни о чем не думали!).

Итог расправы кн. В. Долгорукого с Доном: „от 7 до 10 тысяч казаков было истреблено в порядке репрессии, не считая погибших в бою. Обозначенные в „росписи“ Петра „городки“ были сметены с лица земли. Бассейн Донца, отрезанный от Войска, был присоединен к Бахмутской провинции; земли по Айдару пожалованы Острогожскому, потрудившемуся по усмирению; земли в верховьях реки Хопра, опустевшие после разгрома, разорения станиц Пристанной, Беляевской, Григорьевской и прочих, прирезаны были к Воронежской губернии... Но еще важнее, чем потеря миллиона десятин земли, чем эмиграция одних (Некрасов) и гибель других казаков, были для Дона результаты в области внутреннего управления Дона и внешнего его положения“ (Сватиков).

Эта расправа явилась окончательным ударом по казачьей государственной независимости, когда Москва почти неограниченно стала диктовать свою волю казакам, когда Петр I мог легко „советовать“ им „выбрать атамана доброго человека“, хорошо зная, что его „совет“ будет исполнен. Таким „добрым человеком“, после казненного в Москве атамана Зерщикова, явился Петр Рамазанов, избранный Кругом в Атаманы, относительно которого Петр „выразил желание, чтобы Рамазанов атаманил до смерти, без смены“.

Этой кровавой расправой с Казачеством завершилась казачья политика Московского царства, а потом Империи, которая „построена была на подавлении местных автономий, внешнего механического объединения и подавления“, благодаря которой, „все что было самобытным, своеобразным, подавлялось насильственно и истреблялось“, в силу чего у Яицких казаков создавалась глубокая по смыслу, меткая, прекрасно характеризующая основную сущность русского централизма, народная поговорка: „живи, пока Москва не узнала“.

К сожалению, Москва „узнала“ Дон слишком рано и, узнав, сделала с ним то, что сделала: в казачьей крови потопила казачью свободу лишь потому, что она (Москва) не выносила никакой свободы вообще, а еще потому, по выражению одного петровского указа, „по-неже сам знаешь, каково тот край нам надобен“, что является и в наши дни одним из главных „аргументов“ казачьих противников: „тот край нам надобен“, следовательно, „не могли противиться моему ндраву“.

Хотя Петр I только 3 марта 1721 г. издает свой указ: „Донским (и Яицким) казакам во всех управлениях быть в ведении в Военной Коллегии“, а не иностранной, как бывало прежде, но именно в 1709 году был положен конец казачьей государственной независимости.

Таким образом, 1709 год можно назвать эпохиальным рубежом в казачьей истории: по ту сторону „рубежа“ все то, что дорого и свято для казака — казачья государственная независимость, свобода человеческой личности, священный казачий принцип „с Дона выдачи нет“, осуществленные в жизни идеалы народоправства — независимый выборный атаман-президент, казачий Круг-парламент; по сию сторону „рубежа“ все то, что противоречит всей духовной сущности казака, что ему насильно навязано — убитая казачья независимость, поруганная человеческая личность, вместо народоправства — московские приказы, вместо Круга, полноправного хозяина Земли — Круг только для „церемонии единойжды в год“, вместо независимых Атаманов — „наказные атаманы“, которые стали состязаться в раболепии перед русским царем, их назначавшим, и писали: по всеподданнейшей рабской их должности для всеподданнейшего рабского поклонения“, казаки, превращенные из вольных в служилые, вместо свободного Донского Края, по определению В. А. Харламова (речь в Гос. Думе), „аракчеевские военные поселения“.

С этого времени, хотя сам казачий дух сопротивления не ослабел, но Казачество было истощено, обескровлено, борьба с русским деспотизмом стала бесконечно труднее, слава казачья стала тускнеть, а к XX веку эту подлинную и прекрасную казачью славу Петербург успел уже подменить другой, навязанной, „казачьей славой“, славой „охранителей царских устоев“. Только в 1917-19 годах, когда Казачество освободилось от духовных и политических оков, воскресило свое древнее казачье обыкновение, обрело свое казачье лицо — подлинная казачья слава снова, было, ярко загорелась, но, к сожалению, не надолго!

Спрашивается, только-ли то, что „тот край (Казачий) нам надобен“ заставляло Московское царство, а затем и империю, с такими жестокостями подавлять казачью свободу, независимость? На этот вопрос следует ответить — нет, не только одно это, но и другие причины духовно-политического порядка, причины, коренящиеся в самых устоях, идеалах, мировоззрении русского народа, вернее, его „ведущего слоя“ и Казачества.

Это были два совершенно противоположные, взаимно друг друга исключаящие духовные миры, между которыми рано или поздно, но неизбежно должно было случиться столкновение, борьба не на жизнь, а на смерть. Это столкновение и случилось, к несчастью, при сильном, властном и жестоком Петре I, при самых неблагоприятных для Казачества условиях, когда оно, государственно еще недостаточно укрепившись (примитивность гос. аппарата, техники), разделилось на два лагеря — на войсковую старшину, которая свои личные имущественные, „классовые“ интересы поставила выше интересов Казачества, в борьбе за эти свои личные интересы и почести опиралась на внешние силы, связала себя с Москвой, и на казачью народную массу, лишенную опытного политического руководства, когда мало стало таких людей, которые своими действиями и словом могли —

Со дна сердец взбудить дерзаний сон;
 Борений пыл вдохнуть в тщедушном теле,
 Смиранных дум взмутить гнилой затон,
 Замшелый челн сорвать с прибрежной мели!

(Каз. поэт *Петр Закрепа*).

Чтобы нас не упрекнули в пристрастии, в несправедливом обвинении „войсковой старшины“, предоставим слово проф. Сватикову, который пишет: „Социальный антагонизм на Дону проявился в третьей четверти XVII ст. довольно остро. Он был одной из главных причин крушения Донской независимости. Старшина казачья стала естественно (?) тянуть в сторону Москвы... Московская партия, создавшаяся на Дону в половине XVII в., состояла преимущественно из старшины... Их социально-экономические интересы начинали уже отделяться от интересов общины (т. е. всего Казачества. Ш. Б.). Переход от охотничьего быта к скотоводству, а затем и к земледелию, пользование рабским и наемным трудом для охраны табунов и стад, для обработки земли, для услуг; накопление богатств в руках старшин, — все это выделяло старшин из единой прежде среды казачества. Обособленное положение старшины в казачьей среде, стремление их стать независимыми от воли демократической массы, желание обеспечить обработку своих земель принудительным трудом крепостных, жажда почета соответственно создавшемуся социальному положению, — все это заставляло старшин оглядываться неволью на Москву, на московское поместное дворянство, вздыхать о дворянском звании, о праве владеть крепостными. Процесс превращения старшины в дворян длился полтора века и закончился лишь в начале XIX ст. Однако, тенденция к разделению единой социальной массы казачества на две неравные группы наметилась уже во второй половине XVII ст.“...

И вот Москва, имевшая совершенно противоположные от Казачества основы общественно-народной жизни,

подавила казачью независимость именно при активной помощи этой отказавшейся от казачьей духовной сущности „казачьей старшины!“

„Устоями“ Московского царства были: самодержавный царь со своим никем и ничем неограниченным произволом; за ним — „царские слуги“, бояре и воеводы, льстивые и раболепные перед своим „хозяином“, но заносчивые, деспотические, самодурствующие перед ниже себя стоящими; а под ними, составляя основу и опору своих „господ“ — бесправное, нищее, рабское крестьянство на положении домашнего животного. Одним словом — царство лести, пресмыкания, рабства!

А вот вам и физический облик русского крестьянина, выведенный кистью выдающегося художника Репина (набросок к картине „Проводы рекрута“). Полюбуйтесь и скажите по совести: таким ли вы себе представляете своего предка, и таким ли он на самом деле был? Согласно русской исторической „теории“, вот именно такие люди, якобы, явились творцами и основоположниками независимого свободного Вольного Казачества, поборниками и защитниками идеалов свободы, равенства и братства. Один этот замечательный, поразительно верный портрет художника может являться убедительным опровержением этой русской „теории“.

Нет, господа, не этот согбенный крепостной русский крестьянин создал Вольное Казачество, а создал его вольный казак, по выражению покойного молодого казачьего поэта, Ю. Гончарова, —

Тот, чья мысль — полет орлиный,
 Тот, чей ум — как огонь бурлив,
 Чья душа — напев старинный,
 Древний сказочный мотив,
 Кто — смеется смерти в очи,
 Кто — за горсть родной земли
 Бросит жизнь в жертву ночи,
 Чтоб сказанья вновь цвели,
 Кто — слагает гимн хвалебный
 И о древнем кто грустит...

Не от этого русского Ивана-Непомнящего произошли казаки, а, по словам героя романа „Тихий Дон“ Шолохова, — „казаки от казаков ведутся“!

Чтобы понять невозможность возникновения, выхода Вольного Казачества из русского недра, достаточно себе представить Московский мир того времени, который состоял с одной стороны, по словам Ф. И. Родичева, из „темного царства крестьян“, а с другой — „русского общества“. А для уяснения того, что из себя представляло это „русское общество“, достаточно процитировать русских же авторов.

По словам Г. В. Плеханова, „русский дворянин, державший себя как „важный барин“ со своими подчиненными, держал себя как лакей в своих сношениях с верховной властью“.

Англичанка мисс Катрин Уимольт, долго наблюдавшая жизнь в России, о нравах тамошних писала, что там „каждый измеряет свое достоинство мерой царской милости. Поэтому (там) старые идиоты и выжившие из ума женщины всемогущи..., имея на себе много лент и чинов, чем люди молодые“...

А эту „царскую милость“ заслуживал тот, кто больше и усерднее всех бил лбом об пол, чему А. С. Грибоедов не хотел верить, а потом с горечью убедился:

Как тот и славился, чья чаще гнулась шея;

Как не в войне, а в мире брали лбом —

Стучали об пол не жалея!

О состоянии русского общества декабрист К. Ф. Рылеев с душевным сокрушением напишет:

Всюду встречи безнадежные!

Ищешь, суетный, людей,

А встречаешь трупы хладные,

Иль бессмысленных детей...

По словам другого декабриста, И. Д. Якушкина, в России „все почти помещики смотрели на крестьян своих как на собственность, вполне им принадлежащую, и на крепостное состояние, как на священную старину,

до которой нельзя было коснуться, без потрясения самой основы государства“...

Царившие в этом русском царстве „алчность дворянства, грабеж, мучительство и беззащитное нищеты состояние“ возмущали и Радищева, который называл помещиков „алчными зверями и ненавистными пиявками“, и говорил им, что они оставили крестьянству только „то, чего отнять не можете, воздух. Да, один воздух. От’емлете не редко у него не токмо дар земли: хлеб и воду, но и самый свет... Вот жребий заклепанного в узы! Вот жребий заключенного в смрадной темнице! Вот жребий вола в ярме!“ (Кстати, напрасно русские ныне обвиняют, что враги России называли ее „тюрьмой народов“. Оказывается, „смрадной темницей“ ее назвал русский человек, Радищев).

А новоиспекшаяся казачья „войсковая старшина“ в начале XVIII века, во имя своих личных интересов, почестей, чинов и орденов, пожелала, чтобы и казаки разделили участь „заклепанного в смрадной темнице“, „вола в ярме“, и не за страх, а за совесть помогла Петру I расправиться с Казачеством!

О внутреннем духовном содержании русского общества (даже значительно позднего периода, XIX века) П. Я. Чаадаев напишет: „опыт веков для нас не существует. Взглянув на наше положение, можно подумать, что общий закон человечества не для нас. Отшельники мира, мы ничего не дали, ничего не взяли у него, не приобщили ни одной идеи к массе идей человечества; ничем не содействовали совершенствованию человеческого разума и исказили все, что сообщало нам это совершенствование. Во все продолжение нашего общественного существования мы ничего не сделали для общего блага людей: ни одной полезной мысли не возросло на бесплодной нашей почве, ни одной великой истины не возникло из среды нас. Мы ничего не выдумали сами, и из всего, что выдуманно другими, заимствовали только обманчивую наружность и бесполезную роскошь“... И этот русский мыслитель с

насмешкой, смешанной с душевной болью, будет указывать, как на символическое выражение русского достижения, на „Москву, гордящуюся, как достопримечательностью, пушкой, которая не стреляет, и колоколом, который свалился прежде, чем звонить“...

А Грибоедов, устами своего героя Чацкого, состояние русского общества того времени определил, как собрание людей:

В любви предателей, в вражде неутомимых,
 Рассказчиков неукротимых,
 Нескладных умников, лукавых простяков,
 Старух зловещих, стариков,
 Дряхлеющих над выдумками, вздором!
 Всем глупым — счастье от безумия,
 Всем умным — горе от ума!

П. Я. Чаадаев скажет еще больше: „даже в наружности русского есть что-то неопределенное, недоделанное. Наши лица немые, холодные, невыразительные... находясь в других странах и в особенности южных, где лица так одушевлены, так говорящи, я сравнивал не раз моих соотечественников с туземцами, и всегда поражала меня эта немота наших лиц“...

Другой русский человек, Н. Огарев, дает характеристику отдельным слоям русского общества уже позднего периода (XIX ст.). По его определению, крупные дворяне, „большие бары“ — люди, никогда не соприкасавшиеся с народом и его потребностями, никогда не мыслившие, привыкшие только тратить огромные с неба валившиеся суммы, не стесняясь ни на волос в самых необузданных капризах“. Мелкопоместные дворяне — „люди, лишенные воспитания, люди, выжимающие из мужика все здоровые соки“. Купечество — „каста, которая рада своей замкнутости и считает себя пауком, а все остальное мухами“. Чиновники — „члены одной огромной организации повсеместного грабежа, где окончности пользуются копейками и постепенно к центрам скопляются рубли“...

Если так безнадежно-темно было социально-поли-

тическое положение, если так серо и пусто было внутреннее духовное содержание русского общества в XIX ст., что даже отдельные „проснувшиеся“ русские люди с душевной болью спрашивали себя — „зачем мы проснулись — спать бы себе, спать, как все около!“ — то каково должно было быть состояние этого общества в начале XVIII ст., когда Петр I, проливая потоки казачьей крови, подавлял государственную независимость Вольного Дона, душил казачью свободу? Во имя чего это делалось?

Конечно, делалось это во имя русского централизма, из за ненависти к свободе вообще, из за любви к искусству, во имя подчинения казачьей свободы безграничной власти царского самодержавия. Для Московского государства, основанного на беспрекословном рабском подчинении, на бесгласности, несправедливости народа, просто был невыносим один факт существования свободного казачьего государства, где господствовало начало свободы, равенства и братства: наверху избранный народом атаман-президент, а за ним свободные граждане своей республики — вольные казаки; полное равноправие населения в правах и обязанностях, право народа выбирать и низлагать своего главу; религиозная, политическая и хозяйственная свобода.

Именно вот эти казачьи народные „устои“ переворачивали нутро русского „ведущего слоя“, именно их („устоев“), следовательно, и их носителей, живых казаков, должна была искоренить „матушка-Москва“!

Об этой непримиримости Москвы, москвичей к свободной личности, к свободе народов и личности хорошо пишут сами же русские ученые. Чтобы не быть голословным в этом своем утверждении, приведу слова русского ученого, Е. Ознобишина, который, говоря о подавлении Новгородской, Псковской и Вятской республик, пишет: „Ненависть москвичей к новгородцам заглушала в этой отрасли славян (т. е. у москвичей) свойственное им (вообще славянам) чувство великодушия и уважения к святыне. Нашествие и покорение

Новгорода сопровождалось насильями и убийствами, напоминавшими времена Батые, которых прежде Новгород не испытал. Москвичи, привыкшие повиноваться единоличной власти своих князей и их боярам, с ужасом глядели на новгородцев, осмелившихся критически относиться к этой власти. В то время, когда тысячи новгородцев гибли под мечами москвичей, когда тысячи пленных отправленных в Москву, умирали дорогою от холода и голода, когда все имущество новгородцев было разграблено или сожжено, а жены и дочери изнасилованы, монастырские волости записывались на Ивана III; в это время всеобщей гибели братьев-славян, народ московский ликовал в неопisanном восторге, молебствовал и сердечно и искренно был рад тому, что строптивые князья-новгородцы истреблены в корень и что их буйное самоуправление, их вече уничтожено и, отныне, приближаясь к особе великого московского князя, должны будут падать ниц перед символом власти и не иначе себя называть, как холопами московского царя. При гибели неча Новгородского не только ликовал народ простой, но даже святители московские принимали в этом живейшее участие и старались задевать самые святые и заветные струны новгородского сердца"... Эту свою духовно-политическую обрисовку москвичей Е. Ознобишин заканчивает словами: „пора уже сознать, что объединение России сопровождалось страшною неразборчивостью средств и развращением общества“...

Этими немногими словами русского ученого сказано все, сказано и то, почему Москва неизбежно должна была стремиться подавить свободное Казачество, а в последних пяти словах Ознобишина до пораженности точно выражено — как Москва подавляла казаков, ибо это подавление казаков, действительно,

сопровождалось „страшною неразборчивостью средств и развращением общества“!

Об этой же жестокости русского „ведущего слоя“ говорит и современный русский писатель, Н. Гольденвейзер-Любимов, в своей книге „Да здравствует эмиграция“. По мнению этого русского писателя — указания на жестокости современных русских большевиков, в сравнении с тем, что было раньше — детский лепет, ибо жестокость, по мнению этого писателя, историческая традиция русских правителей. Любимов пишет: „в истории создания Российской империи было немало таких этапов, перед которыми зверства и жестокости большевиков кажутся детским лепетом: судьба Новгорода и многих удельных князей и княжеств, опричнина и развращения Иоанна IV на лобном месте, изысканные казни стрельцов, и Петербург, построенный буквально на костях десятков тысяч умученных рабов, а также современное этому святотатственное обезглавление Православной церкви; почтенная деятельность Бирона; усердная администрация Павла I; Аракчеевщина; тупое зверство Николая I; подавление польского восстания и, наконец, карательные экспедиции и военно-полевые суды 20 ст. Все это представляет собою такую невыразимую словами бездну ужаса, свирепости, садизма, бессмысленных и бесчеловечных издевательств, что пытаться создать главный аргумент против большевиков из их кровожадности и жестокости не может быть объяснена ничем, кроме, м. б., бессознательной демагогией“...

Я даже не решаюсь подписываться под этими убийственными обвинительными словами этого русского эмигрантского писателя. Ибо все мы знаем, на своей собственной шкуре испытали всю бездну и бесчеловечность большевицких жестокостей. Но, по словам эмигрантского русского писателя, оказывается, что все эти современные большевицкие зверства, в сравнение с зверской „русской исторической традицией“ — детская игра, шутки.

Таков был мир Московский, наложивший свою лапу на казачью свободу!

Москва и Дон. Два явления, по своей природе и духовному своему содержанию друг друга взаимно исключают: там — рабство, здесь — свобода; там — мертвящий подневольный труд, здесь — свободная инициатива во всем равноправных граждан; там — нищенское, полуживотное существование много миллионов крестьян-рабов, а здесь — красивая, привольная, хотя часто и отягчаемая войнами жизнь на безграничных степях Дона, Кубани и т. д.

И эти два мира столкнулись в начале XVIII ст. и, к несчастью, русское самодержавие, при помощи некоторых казачьих отщепенцев, задушило казачью Свободу!

С этого момента политика Москвы, а затем Петербурга, в отношении Казачества носила все признаки колонизации. Исторические казачьи земли и их естественные богатства царями и царицами произвольно жаловались своим фаворитам и отдельным „преданным престолу“ казачьим старшинам, явившимся могучими пособниками в деле подчинения Казачества Москве; с другой стороны, поощряемые, поддерживаемые политикой правительства, на Казачьи Земли шли разного рода „торговые люди“, „ремесленные люди“, „ползли вереницы русских пахарей, создавая на казачьей Земле так называемые „временные поселения“, в них укреплялись, постепенно образовывая свое „большинство“ над казаками!

Эта политика „внедрения“ является одним из безусловных признаков всякой колониальной политики, согласно которой „повсюду в мире господствующие нации домогаются продвинуть возможно больше своих „компатриотов“ в туземную гущу поработанных народов“ (М. Шаповал). Другим из главных признаков колониальной политики является „эксплоатация психической энергии поработанной нации“, т. е. использование колонизатором умственной и духовной силы покоренного народа, что в отношении Казачества, после его по-

рения, с большим искусством и успехом делала Москва. Ибо она хорошо знала, что „поработанные этим путем и далее подчиняются всем формам эксплуатации, однако без национального сознания этой эксплуатации, потому что у поработанных убивается чувство своей особенности, а следовательно, солидарности в пределах этой особенности. Поработанные должны и далее нести свой крест неволи социальной, экономической, культурной и политической, должны забыть о праве на свою территорию, ее естественные богатства, о праве на плоды своего труда и праве распоряжения самим собой по своей воле, главное, должны утратить возможность культурного развития, какое неминуемо ведет к сознанию своей неволи“...

К сожалению и несчастью, сотни и тысячи казачьих интеллигентов, с детства воспитываемые в русских школах в духе покорности и верности Москве, в духе пренебрежения к „казачкам-разбойничкам“, отдавали и теперь отдают, свои силы, энергию и разум служению „матушке-Москве“, на дело укрепления ее господства над Казачеством, а ныне некоторые из них дошли до такого парадоксального положения, что всякие притязания казаков на свои казачьи права в лучшем случае встречают благосклонной иронией („казакомания“), а чаще квалифицируют „изменой России“.

Эта часть казачьей интеллигенции, всецело подверженная политике „идейного опустошения“ казаков — все более и более теряла целостность общественно-политического идеала Казачества и, в конце концов, полностью отвергла Казачью Идею. А некоторая часть казачьей интеллигенции, хотя и сохранила в своей душе „казачью искру“, в силу создавшегося на Дону положения, вынуждена была уходить в чужие края (часто скрывая свое казачье происхождение!), чужим отдавать свои силы, знания, а на место их на Казачьи Земли широкой волной устремлялись чужеродные элементы и, захватывая там лучшие места, укреплялись.

Пусть вспомнят казаки — из кого в Казачьих Кра-

ях состояло большинство учителей (исключая низших школ), судей, докторов, различных начальников, служащих транспорта, купцов, промышленников, высших чиновников, наконец, как венец, кто стоял во главе Войска? Кн. Святополк-Мирский, фон Таубе, граф Граббе и т. д. и т. п.

Существует общеизвестное, никакому сомнению не подлежащее положение: кто управляет городами, тот управляет страной. Как обстояло дело в Казачьих Краях в этом отношении, в результате московской колониальной политики, политики „внедрения“ в казачью среду? Большинство городов — Ростов, Нахичевань, Таганрог и т. д., имеющие огромное экономическое значение не только в жизни Дона, но и всего Европейского Казачества, были и остаются городами не-казачьими. Это случилось, конечно, не потому что сами казаки были неспособны создавать города, вести торговлю, жить городской культурной жизнью, а это есть результат определенной политики Москвы, направленной к искусственному задержанию казачьего культурного развития, отдаления их от просвещения, к превращению их только в физических работников на земле, в сельском хозяйстве и послушных воинов на поле брани!

Свежо предание, а верится с трудом! Ведь это не анекдот, а недавний реальный, живой факт, когда „начальство“ самым серьезным образом говорило: „просвещение и казак — явления непримиримые, несовместимые“, например, на одном ходатайстве станичного общества об открытии на свои средства в станице гимназии были положены три резолюции: 1) Обер-прокурора Святейшего Синода Победоносцева: „согласен, гимназия вредна“... 2) Министра народного просвещения Сипягина: „казаки военное сословие, им гимназия не нужна, удивляюсь ходатайству“... (какая ирония — министр народного просвещения, удивляющийся желанию народа учиться!) и, наконец, третья резолюция самого императора Николая II: „не понимаю, зачем казакам гимназия. Не

лучше ли вместо ненужной гимназии манеж“...

Приведу вам еще два примера, так умело рассказанные Лениным в Лионе на собрании.

Проезжал как-то по одной окружной станице наказный атаман кн. Святополк-Мирский. На одном здании увидел вывеску „N-кое реальное училище“. „Казачья душа“ атамана возмущилась подобной ересью: как так! казаки — и реальное училище! Это — преступление! И тут же, не сходя с коляски, приказал снять эту вывеску, а на место ее водворил вывеску „N-ская военно-ремесленная школа“. Подобно тому, как у современных русских большевиков имеется определенный лозунг „религия — опиум народа“, так и у русского правительства имелся определенный лозунг: „просвещение — опиум Казачества“.

Вся политика правительства была направлена на задержание культурного развития казаков и на воспитание их „воинского духа“. В этом отношении дело доходило до злого анекдота.

Кривянскую станицу при весеннем разливе заливала вода, приносящая огромный вред всей станице. Станичное общество возбудило ходатайство о разрешении на сооружение дамб. Но наказный атаман в ходатайстве отказал. Почему? Потому что сооружение дамб может убить „воинский казачий дух“. Поэтому, пусть вода заливает станицу, пусть станичники разоряются, но зато кривянские бабы, которые в Новочеркасский базар носили продавать продукты своего хозяйства, при разливе с махоткой молока и корзинкой яиц на спине будут переплывать по воде, чем будут поддерживать и развивать „воинский казачий дух“.

Это, господа, не анекдот, а были!

Вот в результате этой 200 лет продолжавшейся „затемнительной“ казачьей политики Москвы и Петербурга, казаки сделались только физическими, мускульными работниками, безжалостно эксплуатируемыми городами с чужеродным населением. В этих городах, т. е.

в руках чуждых казакам элементов, была сосредоточена вся экономическая, торговая, промышленная, культурная и политическая жизнь Края. Через их руки вывозились все продукты тяжелого физического труда станичного казачьего населения, и через эти же руки оно получало в очень ограниченном размере необходимые предметы потребления.

„Материально бедная, культурно темная, политически бессильная, юридически поставленная на последнее место, деревня есть подножием города“ — пишет украинский социолог М. Шаповал.

Точно также станичное казачье население служило „подножием городов“ с чужеродным населением, плодами своего тяжкого труда обогащало не-казачье городское население, доставляло ему средства для культурного развития, просвещения и, обогащая (невольной!) его, давало ему возможность еще больше усовершенствовать орудие закабаления самих себя, расказачивая казаков.

Само собою разумеется, широкая казачья народная масса, лишённая разумного руководства своей интеллигенции, культурно-политически отсталая, была бессильна организовано бороться, сопротивляться анти-казачьей политике Москвы, щедро награждавшей казаков ролью охранителей России от самого же русского народа (1905 г.). Скованные этой политикой Москвы, казаки вынуждены были почти все свои духовные, физические и материальные силы отдавать военному делу, военной службе России, в прямой ущерб своему хозяйственному, культурному делу, чем широко и умело пользовались пришлые элементы, захватывавшие и прибиравшие к своим рукам все важнейшие краевые общественно-культурные и экономически-промышленные посты.

И, конечно, делом каждого сознательного казака ныне должно быть неустанное стремление к тому, чтобы в будущем исправить эту историческую „ошибку“, чтобы впредь казаки сами взяли в свои руки управле-

ние жизнью в Крае во всех областях: общественно-культурной, экономической и политической; чтобы осуществление социальных функций перешло к самим казакам (в согласии и солидарности с коренными крестьянами); чтобы инженеры, техники, учителя, судьи, доктора, работники в торговле и промышленности — купцы, финансисты, банкиры — были казаки; чтобы профессора, учителя и студенты в высших, средних и низших школах были казаки. Одним словом, надо стремиться сделать так, чтобы все плоды умственной работы казака и физического казачьего труда шли на благо и пользу самих казаков, только казаков.

Я забежал далеко вперед и в сущности уже сказал то, что хотел ответить на поставленный вопрос — „Чем стало Казачество? — не коснувшись даже главных моментов двухсотлетнего — с 1709 года — „исторического процесса“ казачьей жизни. Но по существу этот период для нашей цели, для ответа на поставленный нами вопрос, особого значения не имеет, представляя из себя интересный материал для ученых специалистов для изучения истории взаимоотношения уже Российской Империи с покоренными ею народами вообще.

Можно только сказать, что на всем протяжении этого периода живая казачья мысль насильственно и методически убивалась в самом своем зародыше и естественное культурное развитие казаков загонялось в искусственные рамки московских приказов, по выражению последнего русского императора, в „манеж“.

Это был период медленной, но верной подмены казачьей воли — казачьей неволей, свободного, вольного казака — бессловесным пушечным мясом.

Раньше „основами неписанного Донского казачьего права были: народоправство, самоуправление, свободное использование естественных богатств, политическая и гражданская свобода“. А в эпоху т. н. государственной, а потом областной автономии, наступившей после петровского подавления казачества, эти основы казачь-

его права были совершенно уничтожены, а если какое из них осталось, то уже только в порядке монаршей милости, „царских жалованных прав и привилегий“, „узаконяемое“ пышными и многословными „дарственными грамотами.“

Все же некоторые моменты из этого периода отметить следует, чтобы показать, что и под этим тяжелым русским прессом у казаков мысль о независимости постоянно жила, облеченная в разные моменты в различные формы. Само собой разумеется, что от этого периода казачьей народной массе ничего хорошего не досталось. В это время уже не было выборного Атамана. Атаман стал совершенно независимым от Войскового Круга и власть свою делил только с „войсковой старшиной“. Но атаман, хотя и делил „свою власть со старшинами, но и он и старшина, в равной мере, стремились свести к нулю значение Круга. Степан Ефремов перестал считаться и со старшиной“ ... „Так идали от Петербурга, от глаз Военной Коллегии, развивалось самодержавие атамана“ (Св.).

Это атаманское самодержавие было настолько велико, что Атаман Данила Ефремов (1738—1753), добровольно покидая пост атамана, просил центральную власть назначить его сына, Степана, атаманом по наследству. И указом Елизаветы от 8 мая 1753 г. Степан, действительно, был назначен Войсковым Атаманом. Но тем же указом награждался и сам „Данила Ефремов, за многие его верные службы, чином армейского генерал-майора, под которого командой, доколе он жив, должен быть сын его, Войсковой Атаман, Степан Ефремов, со всем Войском Донским“ — гласит указ.

Назначенный царским указом Войсковой Атаман, находящийся в пожизненном подчинении армейского генерал-майора, в стороне находящегося — положение поистине курьезное! Как быстро был извращен смысл Войскового Атамана, недавнего выборного главы независимого Донского государства! Впрочем — „исто-

рия повторяется“. Ныне, не назначенный, а выборный Донским парламентом Атаман, сам обратился в пожизненного и добровольно лезет в подчинение армейскому-генералу...

А как эти самодержавные Атаманы управляли Доном, хорошо рисует Серебряков в своем донесении в Петербург: „Войско Донское пришло в наиведнейшее состояние и крайнее разорение от наглого нападения, неутомимого лакомства и нестерпимого насилия атамана Данилы Ефремова. Посылаемые от него старшины и прочие его люди, вверх по Дону, Донцу, Медведице, Хопру, Бузулуку и во всех станицах делают великие притеснения; станичных атаманов и казаков немилосердно бьют понапрасно и берут большие деньги, которые делят с атаманом, отчего почти все станицы сильно задолжали, бедные казаки принуждены юрты (земли) свои, сенокосы и прочие уголья заложить у старшины с большими процентами, и горько все плачут, не имея ни откуда защиты. Старшины не только именья, но и законных жен у бедных казаков отнимают...“

Трудно сказать, кто лучше — московские ли правители, казачью свободу убившие, или свои же казаки, самодержавные Атаманы, „добрых сердец казаки“, своих же братьев „немилосердно быющие“ и „законных жен у них отбирающие“? Можно сказать — два сапога — пара. Также трудно назвать такое положение „областной казачьей автономией“. Скорее всего его можно назвать старшинско-атаманской автономией, которые, действительно, от желания и воли своего народа были независимы, а от своих петербургских хозяев далеки.

И тем не менее, даже к такому верноподданному Атаману, как Данила Ефремов, не было доверия у русских. Когда в 1743 г. он начал постройку каменных стен вокруг Черкаска, то Петербург встревожился, усмотрев в этой его затее подготовку к „провоэгла-

шению независимости Дона" и определенно выразил это свое "недоверие к Дону и боязнь Донского сепаратизма" (Св.).

Но и под этим двойным давлением — Атаманов-сатрапов и царского самодержавия — древние казачьи народные устои, древне казачьи обычаи — равенство всех, всенародная выборность, память о государственной независимости — научно-философски необоснованные, на бумагу не занесенные, находившиеся скорее в степени инстинкта казака, чутья, но раньше в жизни Дона имевшие силу непререкаемого закона, — все эти старые традиции, не умирая, в каких то тайниках казачьей души, сердца, под спудом жили, при всяком удобном моменте и в разное время выявляясь наружу. Именно поэтому, каждая, даже призрачная возможность, сулившая восстановления этих традиций убитой казачьей независимости вызывала в Казачестве большой энтузиазм, порождала сильные волнения.

А до наших дней, до революции 1917 года, эта любовь казаков к казачьему древнему обыкновению, чувство казачьей особенности поддерживалась и хранилась той единственной оставшейся у казаков "одиозной привилегией" — поголовной и почти пожизненной службой в своих отдельных казачьих частях, и отчасти местным станичным, хотя и сильно урезанным самоуправлением.

Этой любовью казаков к "древнему казачьему обыкновению" и тем основным казачьим чувством, о котором молодой казачий поэт, Петр Крюков, говорит, что

Нам братство, равенство, свобода
Знакомы целые века,
Мы — дети вольного народа —
Гордимся Краем казака —

иногда пользовались и Атаманы-сатрапы в своей борьбе с Петроградом за свою атаманскую власть над казаками.

Во второй половине XVII ст. (1772) на Дону возникло серьезное движение во главе с Атаманом Степаном Ефремовым; на Яике еще более серьезное движение, потрясшее было основу самой Империи, во главе какого движения стоял "донской казак, из представителей мелкой старшины, хорунжий Емельян Пугачев (Зимовейской станицы)". И тот и другой играли на большой струне казачьей души — на стремлении казаков освободиться от власти Петербургских чиновников, к восстановлению свободы, братства, казачьей независимости, или, по словам проф. Сватикова, "в обоих случаях, для казачества дело шло о борьбе за автономию, за сохранение прежних республиканских вольностей и личной свободы".

А Степан Ефремов "был не выборным, а назначенным сверху Атаманом, вернее, получил свое звание по наследству, милостию верховной власти. Сам он подавлял, подобно отцу своему, не только остатки народоуправства, в лице Круга, но и аристократическое управление Совета старшин. Ставши наследственным самодержцем Края, он вступил в борьбу с царским самодержавием не во имя народных прав, а во имя своего самодержавия, своей личной независимости от всероссийской власти. Эта была борьба за автономию сатрапа, а не народа. Но Степан Ефремов сумел использовать автономистские стремления Казачества и желание его отстоять личную свободу от попыток введения на Дону "регулярства" и от закрепощения. Это выступление его в защиту Казачества едва не повело к восстанию на Дону против России и создало ему славу "мученика" за свободу Дона не только среди современников, но и среди позднейших донских историков" (Сватиков).

Такая идеализация Степана Ефремова казачьей народной массой лишней раз свидетельствует о той постоянно жившей беспредельной любви Казачества к своей независимости, ибо оно за одно только выступление вместе со своим народом против Петербурга в

борьбе под флагом за казачье право — готово было простить Ефремову все его прегрешения в качестве атамана-сатрапа и, простив, хотело возвести его в народного казачьего героя.

А руководитель движения на Яике, Пугачев, по словам проф. Сватикова, „совершенно отчетливо выразил в своих манифестах чаяния Казачества, но, принявши на себя имя Петра III, построил свое дело на обмане, погубившем и его самого и дело Казачества“.

Таким образом, „чистая идея этой (казачьей) борьбы была искажена в обоих случаях“ и оба героя движения кончили свою жизнь плохо: Степан Ефремов, угрожавший Петербургу „провоагласением независимости Дона и союзом с горцами и татарами против России“, но не сумевший использовать вызванный этим его заявлением подъем и энтузиазм казаков и в бездействии выжидавший, внезапно, в ночь на 9 ноября 1772 г. был схвачен командой драгун, военным судом в Петербурге приговорен к смертной казни через повешение. 14 марта 1773 г. смертная казнь была ему заменена вечной ссылкой, где он и умер (Таганрог).

Что же касается Пугачева, то он был казнен, а „для совершенного забвения сего (пугачевщины) на Яике“, Екатерина указом своим приказала переименовать Яик в Урал. После подавления Пугачева, Екатерина произвела „реформы, в силу которых Дон и др. казачьи Войска вошли в полное подчинение Потемкина, генерал-губернатора Новороссийской губернии. Указом 15 фев. 1775 г. Екатерина II для управления Доном учредила „Войсковое Гражданское Правительство“, долженствовавшее „приблизить гражданское управление Дона к общеимперскому губернскому типу“ и находившееся в полном подчинении Потемкина, который „считал себя вправе увольнять атамана Войска Донского и назначать ему преемника“. В полном соответствии с создавшимся к этому времени на Дону общим положением, приобрели право гражданства такие выражения, как „Главногокомандующий Войском Донским“ (Потемкин), или

„Командующий над Войском Донским Войсковой Атаман со всем Войском Донским“, как подписывал наказанный атаман Иловайский свои „покорнейшие рапорты“.

Одним словом, время правления Екатерины II было периодом окончательной ликвидации всех признаков казачьей автономии. В конце-концов, по словам проф. Сватикова после постоянных урезок и ограничений, „по иронии судьбы, все почти черты автономии были уничтожены в период Империи; одна лишь одиозная привилегия — служба за свой счет, со своим конем и снаряжением, пожизненно и поголовно — была сохранена за казачеством до самой великой революции“.

„В том же самом акте 14 февраля (1775) было положено основание юридическому признанию прав дворянства за казачьей старшиной Дона“; „взявши в свои руки назначение в чины, центральное правительство стало жаловать чин войсковой старшины юношам 21 года, а затем даже грудным детям наиболее отличившихся старшин“, вследствие чего именно „в эпоху 1775—1797 г. г. Донское Казачество испытало наибольший гнет именно со стороны своей на половину одворяненной старшины“ (Св.).

Проф. Сватиков в своем труде, с полным знанием вопроса, напишет: „такова была плата централистического самодержавия казачьей старшине за потерю Дном его автономии“.

За всем тем, какие бы репрессии не позволяла, как бы жестоко не поступала центральная власть с казаками, на Дону волнения не прекращались. В 1792 году на почве переселения донцов на Кубань возникло серьезное движение. Центральная власть решила „о населении на Кубань 12 станиц донскими казаками в числе 3000 семей. В это время на Кубани находились шесть донских полков, заканчивавших трехлетний срок службы на Линии и собиравшихся уже на Дон. Этих людей, истосковавшихся по родному краю, решили расселить на Кубань по 12 станицам и „выслать“ к ним с

Дону семьи, т. е. разорить все обзаведение этих казаков, оторвать их навеки от родины”.

Начались волнения. Во главе движения стали Никита Белогорохов и Фока Сухоруков. Три полка — Поздеева, Луковкина и Кошкина, — взявши полковые знамена, без своих полковников и старшин, двинулись на Дон, явились неожиданно в Черкасск и потребовали у Иловайского отчета „за что он отдаёт их на поселение“ (Св.).

Но центральная власть справилась с волнением, а воинский суд постановил: „Белогорохова и Сухорукова „наказать кнутом“ в крепости св. Димитрия, в присутствии делегатов от их родных станиц и, заклеивши, отослать их в Нерчинск, в вечную ссылку, что и было исполнено“ (Св.).

Подавив волнение, Екатерина все же не отказалась от мысли переселения казаков на Кубань и прислала новую свою грамоту, но уже не с назначением, а с предложением, чтобы станицы сами сбором назначили переселенцев. Но и это смягченное требование казачеством было воспринято, как „нарушение исконного его права: вольные граждане донской колонии должны были покинуть родной край и превратиться в невольных колонистов новой окраины!“ (Св.).

Начались новые волнения. „Станицы Есауловская, Кобылянская, Верхняя и Нижняя Чирская и Пятиизбянская отрешили от должности своих станичных атаманов и подписных стариков, а на место их выбрали новых, дали клятву друг друга не выдавать. Сами станицы были укреплены, вокруг них поставлена была стража. Затем разослали грамоты в другие станицы, приглашая их стоять за одно. Собравшись затем в Есауловскую станицу, казаки восставших станиц заявили, что они о переселении и слышать не хотят: земли свои они заслужили кровью и кровью же защищать их станут. На весну они собрались идти на Черкасск, забрать все „регалии“ и выбрать другого Войскового Атамана. Запахло Булавинским

духом“ (Св.), когда воскрес тот неискоренимый казачий дух, который выражен хорошо в словах казачьего поэта И. М. Назарова:

В моей стране закон и дух завета в нем:
Кто любит степь, отчизну и свободу,
Тот должен в дар казачьему народу
И голову сложить в степи под ковылем.

Движение стало принимать широкие размеры. Центр встревожился. Екатерина послала на Дон регулярные войска. Ей на помощь пришли свои же казаки против своих братьев: „одна тысяча казаков под командой ген. Д. Мартынова и три тысячи казаков под командой ген. М. И. Платова были назначены усмирять восстание“.

В результате: „были закованы в кандалы 48 старшин и 298 казаков, как „главные бунтовщики“. „Менее виновные“, в количестве 1645 человек были наказаны плетьюми... тринадцать человек были наказаны нещадно кнутом с вырезыванием ноздрей и поставлением на лицах знаков. Полковой есаул Ив. Рубцов, „яко главный виновник“, получил 251 удар кнутом и вырезывание ноздрей, причем скончался в тот же день. 146 человек были жестоко биты кошками“. Кроме того, из этих 146 чел. были выбраны по жребию по одному от каждой станицы старшины, а из рядовых казаков каждый десятый, и сосланы в ссылку... Священник Федорон и дьякон Донсков были лишены синодом сана“...

Но дело этим жестоким подавлением не кончилось. На Дону волнения подавили, но услышав об этой жестокой расправе с казаками казачьи полки, стоявшие в Крыму, заволновались и стали уходить на Дон большими партиями. Тогда, опасаясь повторения только что подавленного, предупреждая события, кн. Щербатов, „не делая дальнейших исследований“, подерг до пяти тысяч казаков наказаниям без суда в тех верховых станицах“ (каковы были эти наказания, догадаться, конечно, не трудно!), а „наказный атаман ген. Д. Маргынов, заменявший войскового атамана Иловайского, бывшего в Петербурге“, „по учине-

нии наказания, учредил во всех тех („волновавшихся“) станицах, в каждой „станичное начальство“, т. е. вместо выборных станичных атаманов ввел в станицах систему назначенных атаманов!

Центральная власть не ограничилась этой бесчеловечной расправой с казачьей „крамолой“, с мирными казачьими станицами; она не была уверена, что дух казачьего сопротивления окончательно сломлен, она „всюду искала в колонии влияния со стороны духа сепаратизма“, а потому ею „часть регулярных войск была расставлена на Дону на постой, в порядке карательном и предупредительном; другая же часть выведена из территории Войска, но сосредоточена у крепости св. Димитрия „на всякий непредвиденный случай“ (Св.).

Воцарившись на престол, Павел I, „из ненависти к памяти матери“ и „объединительной деятельности“ ее фаворита, Потемкина, восстановил было на бумаге донскую автономию и в своем указе к казакам от 6 июля 1797 г. писал: „что же касается до вкравшихся злоупотреблений и сделанных перемен князем Потемкиным, то вам (казакам) надлежит первые искоренять“ и сохранить в целости „совершенно и без изъятия все прежде бывшие постановления Войска Донского“. Но это были только слова, бумага, а на деле было не так, ибо назначенный тем же Павлом I наказный атаман ген. Вас. Орлов „и не думал о правах Круга и Казачества, о возрождении донского народовластия. Он восстановил, и весьма тщательно, старшинское правление на Дону, каким оно было к 1775 году... Круг попрежнему остался декорацией, парадом, лишенным всякого политического значения“ (Св.).

При Павле I. донские старшины получили, наконец, (22 сентября 1798 г.) вожделенные права дворянства и эти новоиспеченные дворяне из казаков, м. б., сами не ведая того, создали то дело, которое и до наших дней является Ахилесовой пятой казачества. Именно: они, захватывая у Войска и станиц большие участки земли,

создали ужасающую земельную череполоосу, а потом, разлив колоссальную энергию по привлечению на „свои“ земли крестьян, чтобы иметь дешевые рабочие руки, заселяя ими „свои“ участки, создали (во всяком случае сильно способствовали) то казацкое „большинство“ на казачьей земле, которое в недалеком прошлом, в борьбе Казачества с большевизмом, сыграло роковую роль, и которое ныне является главным „аргументом“ против самостийников и у наших противников из казаков!

По поводу этой захватнической деятельности казачьей старшины академик Палас напишет: „преимущества и отльчия, слишком легко пожалованные с недавнего времени старшинам, сделали их высокомерными и надменными... они основывают поселения, наполненные бродягами, привлекаемыми приманкой добычи на прекрасных землях... они изыскивают все средства для угнетения беднейшего казачества..., казаки не получают того, что им причитается. Рождающееся отсюда недовольствие, которое старшины рассматривают, как неповиновение и мятеж, служит для последних (старшин) предлогом для еще более сильного угнетения казачества. Благодаря этому, народ этот (казачество), по природе своей добрый, несмотря на свою конституцию, находится во все более возрастающем порабощении со стороны аристократии своих вождей“...

Но несмотря на все эти притеснения, а, м. б., именно потому, и при Павле I имело место на Дону „сепаратистское“ движение, связанное с именем гвирдии полковника Евграфа Осиповича Грузинова, „сперва близкого к Павлу человека“, котор й „подвергся внезапно опале, был сослан на Дон, затем не менее внезапно схвачен, судим и казнен“ (5 сентября 1800 г.).

По свидетельству историков, „Грузинов проникнут был идеей донской независимости“. Он искренно недоумевал и „просил растолковать ему: почему он Российского императора подданный“... Грузинов являлся выразителем идей „твердых убеждений, которые продолжали существовать на Дону в среде казачества“,

которые, по свидетельству русских официальных документов, „завсегда и обыкновенно бывает в предубеждениях упорно и старинных обыкновений и обрядов держится до исступления“, или, по рассуждению Государственного Совета, „воинский их (казаков) состав, дух народный, права и обычаи всегда полагали сильные сему препятствия“, т. е. казачий народный дух препятствовал слиянию казаков с „прочими обывателями“ России.

В этом новом „сепаратистском“ деле пострадал не только сам Грузинов. „Не менее серьезны были результаты дела и для „недоносителей“. Дяде Грузинова, войсковому старшине Афанасьеву и трем казакам: Касмынину, Попову и Колесникову отрубили головы за „недоносение“. Брата же Евграфа, Петра Грузинова еще раньше били кнутом жестоко, вырвали ему ноздри и наложили знак, и сослали в Сибирь“ (Св.).

Как видите, Москва и Петербург, всегда и во все времена, в отношении Казачества знали только одно средство: кнут, розги, вырывание ноздрей, накладывание на лица знаков, ссылка в Сибирь, сажание на кол, вздергивание на колесах, рубка казачьих голов... Всюду — кровь, кровь и кровь...

Примерно в это же самое время пострадал и М. И. Платов, „который был также заподозрен Павлом I в сепаратизме, внезапно схвачен, сослан в Кострому, и не менее внезапно переведен в Петропавловскую крепость“. Оттуда также внезапно потом был освобожден, награжден командорским крестом ордена св. Иоанна Иерусалимского и „произведен“ в походные атаманы Войска Донского. Само собой разумеется, Платов сепаратистом не был. Мало того: „он не только был верным исполнителем велений центральной власти, но и сам сильно способствовал уничтожению остатков автономии, приближению к общегубернскому типу“. Но он был казаком и употреблял в разговорах выражения: „Донской край“, „границы Войска Донского“, а для русской власти к этому времени уже и эти невин-

ные слова были достаточным поводом, чтобы автора их брать под подозрение.

Уже одно это обстоятельство может служить ярким показателем — чем к этому времени стал некогда свободный, независимый Дон. К этому времени, по словам проф. Сватикова, Войсковой Круг уже был „превращен в какое-то церковно-войсковое поминание почивших монархов“. А высочайшее повеление от 22 августа 1810 г. о Войсковом Круге уже говорит, чтобы „Войско Донское в воспоминание высокомонарших милостей, ему дарованных, продолжало делать по древним своим обычаям церемонию единойжды в год, в день св. Александра Невского, составлением воинского (не Войскового!) круга с выносом регалий и вычетом в оном круге Высочайших грамот-привилегий Войска, за отличную службу оному дарованных“.

За „отличную службу“ казаков им даруют „щедро“ „грамот-привилегий“, хранящихся в музее! И казаки, чтобы почувствовать себя счастливейшими людьми на свете, чтобы наполнить свои сердца радостью и благодарностью — должны „единойжды в год“ прочитывать свои „привилегии“!

Ген. М. И. Платов, в свое время заподозренный Павлом I в сепаратизме, позже Александром I был назначен Войсковым наказным Атаманом. В его атаманство на Дону были проведены мероприятия к приближению донского управления к общегубернскому типу и донские казачьи дела были распределены по соответствующим министерствам (позже были снова сосредоточены уже не в иностранной, а в Военной Коллегии, военном министерстве); при нем была основана новая столица Дона — Новочеркасск (1804); Платов окончательно прекратил участие рядового казачества в каких-либо выборах администрации; он создал на Дону (узаконил) дворянское сословие и, по словам проф. Сватикова, „посильно способствовал дальнейшему расширению войсковых запасов „чиновниками“ Войска“. В результате — в руки немногочисленных фамилий —

старшин перешла экономическая и социально-политическая власть на Дону. При Платове же „стоявшие в Москве и Петербурге казачьи полки стали употребляться, как конная полиция.

Донской казачий полк, стоявший в Казанской губернии, обратили на сопровождение колодников и поселенцев“. Когда по ходатайству командира Отдельного Грузинского корпуса, ген. Ермолова, срок службы казачьих полков в Грузии был увеличен до 4-х лет (раньше два года), то Платов счел за благо исходатайствовать для казаков „царскую милость“, чтобы и на всех других границах казачьи полки служили 4 года (раньше 3 года), чтобы „уравнять тяготы службы для всех казаков“. При нем же (1802) издан был имперский закон о казачьей службе, согласно которого „казак мог просить об отпуске через тридцать лет службы, и не менее как через 25 лет. Офицер же не мог уйти раньше 15 лет“.

Естественно, в результате всех этих мероприятий центрального правительства и недопустимого отношения казачьей старшины к положению и нуждам казачьей народной массы, последняя очутилась в тяжелом положении. Об этой ужасающей нужде объективный иностранец, Де-Романо, пишет, что „бедные, рядовые казаки, составляющие истинную основу этой нации, выпрашивали оружие и снаряжение по станице, не имея ничего этого, в то время как все имущество, скот, земли и крестьяне были поглощены весьма ограниченным числом лиц“... Что „в массе казачий народ подавлен нуждою, в которой он находится, в то время, как несколько десятков богачей все поглотили и присвоили себе крестьян, лучшие земли, самые выгодные берега рек и притоков и т. д., и т. д., одним словом все возможности и всю власть“... И он, Де-Романо, предвидел взрыв, „который разрушит то, что кажется наиболее непоколебимым“. Эта казачья нужда была настолько ужасающая, что когда приехал на Дон ген. Кнорринг для „ревизии“, то он, по словам Де-Ро-

мано, был встречен казаками, „как если бы он был спасителем казачьей нации“... Как видите, понятие „казачий народ“, „казачья нация“ совсем не является „измышлениями“ вольных казаков, а давно оно зафиксировано в исторической литературе.

Находясь в таком ужасающем положении, Дон принял участие в войнах 1812-1815 годов.

„В эту эпоху все мужское население Войска выступило в поход, в возрасте от 15-ти до 60 лет. Казачество выставило 60 тыс. человек... Донцами было взято более 30-ти знамен, 546 пушек и до 70.000 пленных“, а „оставшиеся на Дону — сущие старики, жены и дети — наполняли воздух стенанием и воплем“ — пишет Войсковой Атаман А. К. Денисов, заступивший Платова, умершего в 1818 году. Большинство казачьей старшины, строившее свое счастье и благополучие на несчастье своего народа, конечно, было очень довольно этим подвигом казачьим, ибо за эти подвиги оно получит чины, ордена и высокие титулы, а само Казачество за „наполнявшие воздух стенания и вопли“ детей, стариков и многострадальных казачек и за пролитую на полях Европы казачью кровь — получит „грамоту-привилегию“ „благотворного отца“ России, с тем, что „единожды в год“ прочитывать эту грамоту, извлекая ее из музея!

Войсковой Атаман Денисов, увидевший эту ужасающую казачью нужду, являвшуюся прямым следствием неограниченного произвола „войсковой старшины“, вздумал установить твердые правила, способные пресечь старшинский произвол, пожелал создать „свод донского исторического (обычного) права, сохранив всю древность их (казачьих) установлений“, для выработки чего просил центр об учреждении особой казачьей комиссии. В результате его инициативы, был создан т. н. „Чернышевский Комитет“ 1819 года. К этому Комитету донское дворянство, по характеристике Броневского, — „даровые полицеймейстеры“, — а также и к его инициа-

гору, ат. Денисову, отнеслось враждебно, видя в нем, Комитете, угрозу уничтожения всех своих преимуществ.

Так протекала борьба между донской аристократией и народной массой, на сторону которой на этот раз стал Атаман Денисов, понявший всю безисходную нужду казачества. Интересна в этот момент "тактика" центрального правительства, высказанная устами члена Гос. Совета ген.-ад. Васильчикова, который в своем донесении царю пишет: "несогласие, ныне между ими (донскими дворянами и казаками) существующее, по мнению моему, полезно для правительства; напротив, как единомышленники в войске столь многочисленном, необразованном и отдаленном от должного наблюдения, может иметь невыгодные последствия"...

При таком подходе центральной власти к вопросу, никакого толка, полезного для казачества, от созданного Комитета, естественно, не могло получиться и, действительно, ничего и не получилось, за исключением того, что возникли на Дону крестьянские волнения, по обыкновению сурово подавленные, а сам Атаман Денисов вынужден был уйти (27 янв. 1821 г.), уступив место вновь назначенному Атаману Иловайскому.

Положение Казачества было настолько подавленное, права его настолько урезаны, сами казаки настолько терроризированы, что, можно сказать, только и думали: "не до жиру, быть бы живу". Но тем не менее царское правительство так подозрительно относилось к казакам, всюду, в каждом шаге и слове казака подозревая "сепаратизм", "автономизм", что даже такой благонамереннейший человек, как атаман ген. Иловайский, показался подозрительным по "сепаратизму" и он царским указом (7 июля 1827 года) был уволен, а на его место назначен первый "наказный атаман", ген. Кутейников.

Единственным "преступлением" уволенного Иловайского, преданного суду и судом осужденного, явилась его чисто деловая критика проекта "Положения",

выработанного Комитетом Чернышевского. По мнению Иловайского, меры намеченные в "Положении", оказались — "одни недостаточными, другие несколько несообразными с порядком вещей или противоречащими пользам края нашего; иные же вовсе невозможными в исполнении". Поэтому он полагал, что прежде чем "приступить к сочинению закона" для Края, нужно поставить вопрос — "что именно в существующем порядке вещей нужно дополнить, изменить, или вовсе уничтожить, сообразно духу и правам народа", нужно поставить и разобрать вопрос "об обычаях, имевших на Дону силу закона"...

Для русского правительства достаточно было этих слов, чтобы отстранить автора их от атаманства и предать суду! Вместе с ним пострадал и В. Д. Сухоруков, по характеристике пр. Сватикова, "один из высокообразованнейших и талантливых Донцов своего времени", вдохновивший Иловайского составить свою "Записку", а м. б., даже написавший ему ее. Сухорукова, предварительно отобрав у него все рукописи его научных трудов по истории казачества, затем гоняли в течение более 10 лет (1827-1839) по разным стоящим на окраинах строевым частям, не давая ему возможности оставаться долго на одном месте. И только, когда здоровье его окончательно расстроилось, выпустили его в отставку и он умер в 1846 году.

Но и новый "наказный атаман" ген. Д. Е. Кутейников, по определению Сватикова, "реакционный и подбострастный исполнитель велений Чернышевского", в конце-концов тоже не угодил начальству и по "совету" того же Чернышевского, вынужден был просить отставку и получил ее 10 фев. 1836 года. Не угодил он "хозяевам", очевидно, потому, что не сумел искоренить на Дону "оппозиционное настроение", выразившееся в том, что когда 1 января 1836 года состоялось "торжественное" провозглашение "Положения", выработывавшегося в течение 17-ти лет "Комитетом Чернышевского", созданным в 1819 г. по инициативе

ат. Денисова, — казаки не выявили „восторга своего и пламенной признательности к благодетельному отцу отечества“, а из присутствовавших на „Войсковом Кругу“, „после произнесения от сенаторов речи, не нашли или справедливее не хотели сказать ни одного слова“. Это, конечно, для „отца отечества“ было скандалом.

В сущности, этим — моментом вхождения в силу „Положения“ 1835 года — должно и закончиться мое сообщение, ибо этот момент ясно и точно отвечает на поставленный нами вопрос „Чем стало Казачество“. Этот ответ, по авторитетному утверждению пр. Сватикова, заключается в следующем:

„Благодаря „Положению“ 1835 года, казак, формально — вольный, стал военно-крепостным российско-го государства, слугою самодержавной власти, охранителем старого государственного и общественного строя на Руси. Вся жизнь казака, как на службе, так и дома, опутана была отныне параграфами николаевского закона и предписаниями военно-административного начальства. Положение 1835 года оформило начавшееся в 1721 году закрепощение вольного казачества государству и, особенно, царю“...

Таким образом, некогда вольный казак, поборник свободы и равноправия, гражданин независимой Донской Республики, к этому времени, в силу долгого и жестокого насилия (духовного и физического!), в борьбе за казачьи идеалы пролив потоки казачьей крови, вынужден был утратить все свои гражданские права и остаться лишь с единственным правом — „привилегией“ — беспрекословно и безоговорочно, поголовно и до конца жизни своей служить „матушке-России“ на свои средства! Я говорю „до конца жизни“, ибо казак и по окончании службы, вернувшись на Дон, не имел права покидать его пределы и работать вне Дона без разрешения „строевого начальства“. В этом отношении дело доходило так далеко, что даже казачке при-

казано было не иметь сердечных влечений, ибо она лишена была права выходить замуж за постороннего!

Собственно на этом можно было бы закончить. Но я хочу привести еще несколько выдержек из трудов некоторых авторов (имейте в виду — я умышленно не пользуюсь цитатами из статей вольных казаков, чтобы наши противники из казаков не разводили дурного вкуса демагогию!), чтобы хоть кратко ответить на естественный вопрос: что же было у казаков к последнему моменту?

У них было:

1. В отношении политическом: „вплоть до революции 1917 года Казачество продолжало быть полу-крепостным служилым сословием. Это видно из тех условий, которыми было обставлено передвижение казака с места на место, даже во время состояния на льготе (что соответствовало в запасе армии)“ (Св.).

2. В отношении даже местного самоуправления: в сущности, этого самоуправления вовсе уже не было, а была только одна видимость, фикция. Для усиления этого, достаточно сказать, что станичные общества не имели права производить никаких расходов без утверждения окружных атаманов. Другое — станичное общество (сбор) в сущности не имел права выбирать себе атамана, а выбирало только трех кандидатов, из которых один утверждался, вернее назначался наказным атаманом. А по закону 1891 года окружной атаман имел право „удалять от должности всех лиц общественного управления, не исключая, в особо уважительных случаях, и станичного атамана“. А войсковой атаман имел право „назначать станичного или хуторского атамана в станицы (или хутора), где „особенно беспорядочно ведутся дела общественного управления“, а также временно приостанавливать действия станичных или хуторских сборов, „с тем, что все права и обязанности таковых сборов переходят на станичного или хуторского (назначенного) атамана“ (Сватиков).

Как видите, никакого местного самоуправления не было, кроме фальсификации. Проф. Сватиков по поводу казачьего местного самоуправления справедливо напишет следующее: „нужно отдать справедливость авторам закона 1891 года. Они попытались связать некогда вольное казачество по рукам и ногам. Мало было для казачества тяжелой военной службы. Показалось необходимым уничтожить остатки станичного самоуправления, ввести худшую форму круговой поруки, подчинить казака и в станичном быту действию военной дисциплины. Служилое казачество стало военнокрепостным“... А член Гос. Думы Петровский в своей думской речи скажет, что правительство обманывает Казачество „видимостью прав, развращая его фальсификацией привилегий, пользуясь железными тисками воинской дисциплины, пустило казачество против освободительного движения“...

3. В отношении несения службы: „к началу XX ст. воинская повинность казачества была в $3\frac{1}{2}$ раза тяжелее воинской повинности населения империи и не-казачьего населения Области: вместо 21,1% призывного возраста из казаков привлекалось на службу 74,5%. Если же сосчитать и материальные жертвы казачества, то повинность его была тяжелее в 153 раза“.

А Донской депутат А. А. Назаров в своей думской речи сказал, что „по подсчетам, сделанным в апреле 1912 года, донской казак в течение своей службы терял из собственных средств 1.303 руб. 50 коп.“...

Тысяча триста три рубля! Легко сейчас нам эту цифру произнести, но каково то было казаку все это выкладывать на стол! Ведь это, при тогдашней цене пары быков в 150 руб., целое хозяйство! Такую жертву материальную приносили казаки „матушке-России“ одной своей службой! Где и в каком государстве вы увидите такое явление!

О тех огромных, буквально казачье хозяйство истощавших, личных материальных затратах казаков, в связи с несением службы, а также затратах станичных

обществ, прекрасную статью, построенную исключительно на цифровых данных и прекрасном знании вопроса, написал старый донской вахмистр Афонин („В. К.“, № 84-5), бывший 12 лет атаманом одной из самых больших донских станиц и три года смотрителем станичного плодового табуна, на счет которого донской писатель-поэт Крюков когда-то с душевной горечью выразился: „войсковая администрация у казаков начинается наказным атаманом и кончается станичным жеребцом“!

Совершенно понятно, что эта материальная тяжесть, связанная со службой, казаков буквально разоряла, многие из них в конце концов не в состоянии были „справлять на службу“ последующих сыновей. В предотвращении такого ущерба государству, русское правительство законом 1891 года ввело обязательную круговую поруку станичного общества „за исправный выход на службу каждого из своих членов, за исправное отбывание земских и станичных повинностей и пополнения недоимок, числящихся на обществе“. При этом предоставило станичному обществу „право принимать ряд принудительных мер по отношению к отдельным членам общества, замеченным в расточительности (?!) и неисправным в отбывании повинностей и уплате долгов в войсковые и общественные суммы“.

Какие же были эти меры? Были они следующие: „распоряжение доходом с принадлежащего казаку имущества; отдача казаков в посторонние заработки и распоряжение выработанными ими суммами; назначение к неисправным казакам опекунов; в случае нужды, продажа движимого и недвижимого имущества неисправных казаков и ограничение для них (на известный срок) права распоряжения их паями с передачею этого распоряжения в руки станицы“ (Св.).

„Таким образом, — пишет проф. Сватиков, — введение по закону круговой поруки... знаменовало собою закрепощение казачества государству и общине в самой

худшей форме его. Такова была благодарность метрополии за верную многовековую боевую службу казачества!

Так обстояло дело в отношении несения военной службы.

4. В отношении денежно-финансовом: по выражению В. А. Харламова (речь его в Гос. Думе), Дон представлял из себя „в денежном отношении государство в государстве“, т. е. своего рода „самостийность“, „пезависимость“, но самостийность такого свойства, какую кажется имел в виду татарин, когда он говорил в адрес большевиков: „корова наша — молоко ваше; курица наша — яйцо ваше“... Казаки на свои средства содержали почти все учреждения общегосударственного характера на Дону. По этому поводу Харламов в своей думской речи говорил: „на эти казачьи капиталы, казаки содержат себя, суды и тюрьмы, куда их сажают; все учреждения гражданского управления; уплачивают жалованье льготным офицерам; уплачивают на содержание военно-учебных заведений; уплачивают и пенсии офицерам и чиновникам из этого капитала; донские казаки уплачивают и дополнительное жалованье в 18 000 руб. своему атаману и т. д. Я спрошу, — восклицает Харламов, — где, в какой стране есть такое положение, чтобы маленькая часть населения, одна губерния, содержала себя целиком?“

Это существовавшее тогда положение как раз является хорошим ответом на те современные противосамостийные аргументы, сводящиеся к тому, что при независимости Казачество, мол, не выдержит всех материальных тягот по содержанию государственного аппарата. В том то и беда, что Казачество на свои средства уже содержало очень долгое время чужих начальников над собой, тратя казачьи миллионы!

В другой своей думской речи В. А. Харламов говорил, что Казачество несет все траты, которые „во всей остальной империи всецело и целиком ложатся на средства общегосударственные. Войсковой капитал содер-

жит и Войсковой штаб, и артиллерию с жалоганьем и довольствием, казаков с покупкою и содержанием лошадей и т. п.; он содержит арсеналы, склады оружия, оружейные мастерские, местные войска, местные команды; льготные строевые части и учебные сборы; военно-учебные заведения, юнкерские училища, фельдшерские и военно-ремесленные школы и т. п. Далее войсковой капитал несет на себе и все управления областью — гражданское и полицейское“...

Как видите, полная финансовая „независимость“ Дона, против чего не возражали русские „патриоты“, ибо эта „независимость“ шла на поддержание той силы, которая давила казаков, жала в тиски бездушного русского централизма, загоняла казачью свободу в „манеж“...

5. В отношении культурного развития: „в результате правительственной политики в области просвещения, в 1901 году на Дону было только 36,8% грамотных среди казачьего населения“, — пишет проф. Сватиков. А Харламов в своей думской речи объясняет, почему так случилось и скажет, что в правительственной казачьей политике над всеми вопросами культурного и экономического развития казачества довлела „военная дисциплина, которая ставится военной властью превыше всяких соображений и всяких интересов жизни, главенствует и направляет всю жизнь казачества с детства и до могилы“...

6. В отношении землепользования. В этом вопросе я хочу ограничиться выдержками из статьи Г. И. Карева. „Из общего количества земли (Донского Казачества) в 15 мил. дес., в пользовании станиц находилось 9.479 т. д., в распоряжение Войска (войсковая земля) — 2.142 т. д. и крестьянам — 1.122 т. д.“

Земля донских помещиков образовалась двумя способами (о которых я отчасти выше уже говорил):

а) путем захвата казачьей войсковой старшиной войсковой земли, а позже — и путем „жалованья“ русскими царями донских старшин, отличившихся по по-

давлению казачьей независимости. Например, Екатерина II „пожаловала за что-то полковнику Серебрякову из казачьей войсковой земли так называемый „Кобылянский юрт“, находившийся в Усть-Медведицком округе, где ныне поселена слобода Михайловка, — площадью (сколько вы думаете?)... в 250 тысяч десятин. Войсковое правительство... протестовало против такого бесцеремонного отношения к казачьей собственности. В наказание за такую „дерзновенную“ защиту казачьих интересов, члены Войскового правительства были оштрафованы на 10.000 рублей серебром. Таким порядком отнято было у Войска Донского 1650 т. д. земли“.

б) В 19 в. русское правительство начало наделять за государственную службу донских офицеров и чиновников, выходящих в отставку, вместо денежной пенсии, участками земли, вырезанными из казачьего земельного фонда. До 1870 года эти участки являлись пожизненными, как и сама пенсия, которую они заменяли, или как казачьи земельные пай. В 1870 г. Александр II, в воздаяние „за верную 300-летнюю службу Донских казаков России“, пожаловал этим пенсионерам их пожизненные участки в вечное и потомственное владение. Этим путем было отнято у Войска Донского, под предлогом благодарности ему, еще 1791 т. д.“

Удивительный способ жаловать казаков, поистине своеобразная любовь к ним: за их же службу отнимать у них же, кровью добытую землю и дарить отдельным лицам в потомственное владение!

Кроме того, „войсковая земля, площадью в 2.142 т. д., сдавалась в аренду: около одного миллиона десятин было отведено под частное коннозаводство, а остальная часть сдавалась под распашку, главным образом, пришлому не-казачьему населению. Вырученные за аренду войсковых земель деньги расходовались на нужды, которые в остальной России удовлетворялись за счет государственного казначейства; фактически и эти земли временно были отобраны у Донских казаков“.

А для выяснения того, с какой бесцеремонностью разбазаривалось казачье добро, следует обратить свое внимание на то, что в то время, когда Войско крайне нуждалось в земле, когда казаки некоторых станиц задыхались от малоземелья, в Задонской степи около миллиона десятин прекрасной земли было отдано почти даром донским частным коннозаводчикам, которые в течение первого 25-тилетнего арендного срока (1877-1901) платили годовую арендную плату в ... три копейки за десятину. В это время, рядом, по ту сторону Егорлыка, в Ставропольской губернии, десятинка земли сдавалась в аренду — под распашку по 6 руб., а под выпас по 3 рубля в год!

„Итак, за последние два века совместной жизни Дона с Россией русское правительство и опиравшаяся на него войсковая старшина изъяли из пользования Донского казачества около 5,7 миллионов десятин, более одной трети всей территории Войска Донского. По своей же ценности, эта земля значительно превышала землю, оставшуюся в распоряжении казаков. Достаточно сказать, что земли Таганрогского или Ростовского округа в 6 раз выше по своему качеству земель 2-го Донского округа. Стоимость отчужденной от казаков земли составляла перед войной капитал в 1.140 мил. руб. золотом, проценты с которого приносили бы 57 мил. руб., а арендная плата — 75 мил. руб. В этот расчет не входит один миллион десятин, отнятый у Войска Донского Петром I“ (Карев).

Если принять все это во внимание, то станет совершенно понятной думская речь Кубанского депутата Бардижа, который говорил, что никто не знает и не хочет знать „какую громадную повинность несет казачество и натурой, и деньгами; какую бы колоссальную сумму пришлось государственному казначейству принять на себя, если бы было уничтожено казачество“...

И недаром другой депутат, забайкальский казак Войлошников метко охарактеризовал казачью политику русского правительства. Он в своей думской речи

сказал, что „называется она (русская казачья политика) не оказачиванием, а окалшачиванием“.

Безвыходное положение казачества подчеркнул в своей думской речи даже депутат от донских крестьян, Афанасьев, который в своей речи сказал: „да неужели же, господа, вы не понимаете, что его, казака-то, нет в настоящее время (в станицах), а есть только казачки и казачата?!.. Господа, вы кидаете этим (отношением к казачьим вопросам) казакам целыми комками грязи в глаза... Рубите тому орлу крылья, под которым хранится ваше состояние“...

Таково было положение и состояние Казачества к последнему моменту, по свидетельствам людей, далеких от самостийности.

Следует еще привести краткие выдержки из думской речи донского писателя — поэта, Ф. Д. Крюкова, который в Думе говорил: „казак дорожит своим званием, ибо в прошлом у него была полная, свободная жизнь широкой удали, та совокупность прав личности, которых теперь добивается русский народ“... А затем Крюков рисует, чем стал этот вольный казак под материнской опекой „матушки-России“: „даже в домашней жизни, в мирной обстановке, казак не должен забывать, что он прежде всего нижний чин... и всякий начальник может распечь его за цивильный костюм, за обувь, за шаровары без лампас... Что такое земский начальник в сравнении с нашим военным администратором, для которого закон не писан ни в буквальном, ни в переносном смысле слова... Никакая казарма, никакая солдатская муштра не может идти в сравнение с этим своеобразным воспитательным режимом, сковавшим все существование казака... Всякое пребывание вне станицы, вне атмосферы начальственной опеки, всякая частная служба, посторонние заработки для него закрыты, потому что он имеет право лишь кратковременной отлучки из станицы... Ему закрыт даже доступ к образованию, ибо неве-

жество было признано лучшим средством сохранить воинский казачий дух“...

Такое, политикой правительства созданное положение Казачества возмущало всех, а потому Забайкальский депутат, Войлошников, в своей думской речи восклицал: „пора давно изменить тот взгляд, что казак — неуч, казак — дикарь есть лучший воин, чем воин культурный“...

Но мы, в утешение себе, можем сказать одно: в сердце этого обнищавшего, насильно от образования и просвещения отстраняемого беспрапием казака, как в священном сосуде, благоговейно бережно, как святая святых, хранилась его безграничная любовь к своему „древнему казачьему обыкновению“, не умирая, жило в нем его вековечное желание „возвратиться под свои боевые знамена, чтобы всегда быть готовым для нужд родины“ — Седого Дона!

Об этой казачьей любви к „заветам старины“, о постоянном казачьем политическом стремлении к своей государственной независимости хорошо знали все правители Российской империи. Это знание казачьего политического стремления хорошо выразилось в словах выдающегося русского министра, Лорис-Меликова, сказанные им по вопросу об „опасности разложения России на составные части“ (1884). — „Связь частей России, — говорил Лорис-Меликов, еще очень слаба. И Поволжье и Войско Донское очень мало тянут к Москве“.

Таково было положение Казачества в недалеком прошлом.

Казачья воля была подавлена, казачья слава померкла, казачье героическое и славное прошлое начало забываться. Но, казаки обязаны добыть ту свою Волю, которая, согласно прекрасной казачьей легенде, зарыта под курганом на Дону, скрыта от завистливых глаз врагов и охраняется матерым старым казаком, бдительным Стражем Свободы Казачьей; обязаны казаки свою древнюю славу еще больше возвеличить,

свое славное прошлое, с учетом новейших достижений человеческого разума, восстановить!

Пусть сейчас не все казаки загораются Идеей Вольного Казачества, пусть некоторые еще идут против Нее, а некоторые еще продолжают стоять на распутьи двух дорог — Московской и Казачьей — и не знают по какой из них пойти! Пусть! Вольные казаки считают это временным затмением казачьего сознания, глубоким казачьим заблуждением. Они верят, что это тяжелое наследие двухсотлетнего московского внушения, духовного намордника, скоро пройдет. Верят, что они, если не сегодня, так „завтра“ придут к матери Казакии и устами казачьего поэта Сергея Маргушина, говорят, что —

Пристанут потом к нам все — те,
Кто здесь малодушно молчит,
Кто там краснокровной Москве
Из страха иль рабства пытался служить;
Кто в брата все камнем бросает
И нязко клеветает, предательски лжет,
Казакию-мать распинает
И цепи на Вольность Казачью кует...
В едином союзе степных всех народов —
Мы Станом Казачьим одним
Казакии нашей там счастье заложим
И флаг свой Союзный в степях воодрузим.

Смелость — города берет. Вера — горы передвигает. Молодость силу имеет. А вся сознательная казачья молодежь уже примкнула к вольноказачьему освободительному движению, восторженно верит в его торжество и устами молодого казачьего поэта, Бориса Кундрюцкова, единым хором поет:

Победу мы вырвем у нашей судьбы —
Рабами лишь могут быть только рабы...
Не плачьте вы, жены, деды-старики,
Не дрогнут кривые стальные клинки —
Под сенью старинных тяжелых знамен
Отчизны кровавый рассеется сон...